

Расплата за смерть

Автор:

[Нора Робертс](#)

Расплата за смерть

Нора Робертс

Ева Даллас #12

В Нью-Йорке убивают полицейских. Убийства следуют одно за другим, и никто не может понять, по какому принципу выбираются жертвы. Группу расследования этих загадочных убийств возглавляет Ева Даллас. И очень скоро ей становится ясно, что беспощадный убийца – ее коллега, кто-то из тех, с кем она каждый день встречается в коридорах Управления полиции...

Нора Робертс

Расплата за смерть

Любой власти присущи четыре порока: неповоротливость, коррумпированность, бессердечие и изворотливость.

Фрэнсис Бэкон

Брак – это гораздо больше, нежели четыре голых ноги под одним одеялом.

Джон Хейвуд

Она стояла в «Чистилище» и смотрела на смерть, на ее яростное ликование, на неразлучные с ней кровь и ужас. Смерть пришла сюда со своенравной настырностью ребенка – непоседливого, капризного и бессмысленно жестокого.

Убийство редко имеет опрятный вид. Будь оно скрупулезно спланированным или совершенным в состоянии аффекта, убийство всегда оставляет за собой хаос, разбираться в котором приходится живым.

Ее работа заключалась именно в том, чтобы копаться в пепелище, оставшемся после убийства, находить и собирать разрозненные кусочки страшной мозаики и, примеряя их так и сяк, складывать цельную картину, в которой в конце концов проступят черты убийцы.

На дворе стоял март – робкое начало весны, и не окрепшее еще солнце боязливо вступало в неравный поединок с утренними заморозками. Сейчас оно освещало место преступления: вдребезги разлетевшиеся зеркала, битые бутылки, развороченную мебель. Стенные панели были изувечены, отдельные кабинки изуродованы отвратительными отметинами, дорогая кожаная обивка стульев свисала мерзкими разноцветными лохмотьями. Весь пол был усеян стеклянным крошевом, которое противно хрустело под подошвами.

То, что некогда считалось элитарным стриптиз-клубом, теперь превратилось в огромную свалку дорогостоящего мусора, а то, что когда-то было человеком, – в мешок костей и безжизненной плоти, распростершийся в луже крови позади широкой изогнутой стойки бара.

Лейтенант Ева Даллас склонилась над трупом. Она была полицейским, он – жертвой убийства, и только это их объединяло.

– Мужчина. Чернокожий. Около сорока лет, – диктовала она. – Обширные травмы головы и тела. Многочисленные переломы. – Из ящичка с набором инструментов она вынула термометр, чтобы измерить температуру тела. – Похоже, что причиной смерти явился мощный удар, проломивший череп, но это еще предстоит уточнить.

– Из него буквально отбивную сделали!

В ответ на реплику своей помощницы Ева проворчала что-то невнятное. Она внимательно осматривала то, что осталось от некогда высокого, статного мужчины в расцвете лет. «Рост примерно метр восемьдесят пять, – прикинула она. – И около ста килограммов прекрасно накачанных мышц».

– Что ты видишь, Пибоди?

Ее помощница выпрямилась и непроизвольно встала по стойке «смирно».

– Ну... гм... судя по всему, удар был нанесен сзади и свалил жертву на пол или, по крайней мере, оглушил ее. Однако на этом убийца не остановился и продолжал наносить удары. По тому, как разлетелись кровь и мозги, можно предположить, что по голове пришлось несколько ударов, а затем убийца продолжал избивать поверженное тело, причем жертва к тому моменту находилась в бессознательном состоянии. – Пибоди говорила так, будто отвечала добросовестно выученный урок. – Некоторые повреждения нанесены уже после того, как наступила смерть. Орудием убийства, скорее всего, является вот эта металлическая бейсбольная бита. Убийца, очевидно, либо обладает недюжинной силой, либо находился под воздействием наркотика – такого, например, как «Зевс», который вызывает приступы необузданной агрессии. В пользу этого предположения говорят, в частности, те разрушения, которые мы здесь наблюдаем.

– Приблизительное время смерти – четыре часа утра, – констатировала Ева и посмотрела на Пибоди.

Ее помощница являла собой образец служачки: в отутюженной, без единой морщинки, форме и фуражке, сидевшей точно под тем углом, какой требовал устав. «У нее хорошие глаза, – подумала Ева, – чистые и наивные». Пибоди держалась молодцом, хотя ужас открывшейся перед ними картины и согнал неизменный румянец с ее лица.

– Ну а мотив убийства? – спросила Ева.

– Видимо, ограбление, лейтенант.

– Почему ты так решила?

– Ящик для денег в кассовом аппарате выдвинут и пуст. В таком крутом заведении, как это, чаще всего, конечно, расплачиваются кредитными карточками, но и наличных здесь, видимо, бывает достаточно.

– Любители «Зевса» способны убить и за четвертак, – заметила Ева.

– Верно. Я другого не понимаю: что бармен мог здесь делать – один, в закрытом на ночь клубе, с каким-то пока не известным нам наркоманом? Почему он пустил человека, накачавшегося «Зевсом», за стойку бара? И... – Из растекшейся по полу лужи крови Пибоди выудила маленький круглый предмет серебристого цвета. – И почему наш наркоман оставил здесь это? Такие штуки валяются повсюду вокруг тела.

– Серебряные монеты... Любопытно! Может, он их просто обронил?

Пибоди подумала, что это маловероятно, но спорить не стала:

– Может быть.

Ева собрала монеты, которых оказалось ровно тридцать, положила их в полиэтиленовый пакет для вещественных доказательств и передала его Пибоди. Затем она подняла с пола битую, перепачканную кровью и кусочками мозга. Эта штукovina была примерно шестидесяти сантиметров в длину и идеально подходила для убийства.

«Слишком идеально», – подумала Ева.

– Солидная вещь... Прочный металл... Вряд ли наркоман притащил ее с собой. Вероятно, она находилась здесь – скорее всего, под стойкой бара, – и нам предстоит это выяснить. Полагаю, Пибоди, мы выясним также, что убийца и его жертва были знакомы. Возможно, незадолго до убийства они мирно сидели в этом баре, выпивали и беседовали.

Ева представила себе эту картину и наморщила лоб.

– Можно предположить, что между ними завязался спор, который затем перерос в ссору. Возможно, убийца уже был готов совершить то, что он в итоге

совершил, и знал, где находится бита. Он зашел за стойку бара, как неоднократно делал это раньше, и ничего не подозревающий бармен спокойно повернулся к нему спиной...

Ориентируясь по брызгам крови и положению тела, Ева иллюстрировала свои слова движениями, как бы воспроизводя разыгравшуюся здесь сцену.

– После первого удара он влетел лицом прямо в зеркальную стену позади бара. Видишь эти порезы на его лице? Они – не от разлетевшихся в стороны стеклянных осколков: слишком уж глубокие и длинные. Жертва пытается развернуться, но получает новый удар. Теряя сознание, человек хватается за полки. Стоящие там бутылки сыплются вниз, и в этот момент убийца наносит еще один удар, оказавшийся смертельным. Тот самый удар, который расколол его череп, словно яичную скорлупу.

Ева снова присела возле тела, внимательно разглядывая его.

– Преступник продолжал наносить удары, избивая уже труп, а потом разгромил помещение. Может быть, в состоянии аффекта, а может быть, для того, чтобы замести следы. Как бы то ни было, у него хватило хладнокровия, чтобы спокойно оглядеть результат своих трудов и оставить на месте преступления орудие убийства – бейсбольную битку.

– Он хотел, чтобы это выглядело ограблением, совершенным наркоманом?

– Думаю, да. Либо убитый был полным идиотом, и я оцениваю его умственные способности слишком высоко. Ты сфотографировала место преступления и положение трупа?

– Да.

– Тогда давай перевернем его.

Они стали переворачивать тело – бесформенное, словно мешок, набитый медузами.

– Черт! Ах, черт! – внезапно воскликнула Ева.

Из лужи крови, растекшейся из-под тела, она выудила черную книжечку, открыла ее и увидела удостоверение с фотографией и жетон.

- Он был полицейским!

- Коп?!

Пибоди шагнула вперед. В зале нависла тяжелая, гнетущая тишина. Эксперты из следственной бригады и чистильщики, работавшие по другую сторону стойки, умолкли. Все вокруг замерло. Шесть пар глаз смотрели на Еву.

- Детектив Тадж Коли. - Ева выпрямилась. Лицо ее было мрачнее тучи. - Он был одним из нас.

* * *

Лавируя между обломками мебели, Пибоди подошла к своей начальнице, которая стояла, скрестив руки на груди и безмолвно наблюдая за тем, как упаковывают в пластиковый мешок и грузят в труповозку тело детектива Таджа Коли.

- Я получила на него данные, лейтенант. Он из сто двадцать восьмого отдела, это подразделение по борьбе с наркотиками. Проработал там восемь лет. Служил в армии. Тридцать семь лет, женат, имеет... имел двоих детей.

- Взыскания были?

- Нет, его анкета чиста, как слеза ребенка.

- Нужно выяснить, что он здесь делал - работал под прикрытием или просто подрабатывал. Эй, Эллиот, мне нужна видеозапись камер слежения!

- Ничего не выйдет, лейтенант. - Выражение лица одного из экспертов следственной бригады было мрачным, как ночь.

- Здесь нет системы видеонаблюдения? - удивилась Ева.

– Есть. Работали несколько камер. Но этот говнюк, перед тем как уйти, стер все записи. У нас нет ровным счетом ничего.

– Заметал следы...

Уперев руки в бока, Ева сделала круг по разгромленному помещению. Клуб насчитывал три уровня. На первом располагался зал со сценой, на втором и третьем – танцплощадки и отдельные кабинки. Ева прикинула, что в клубе должно было работать не менее дюжины камер наблюдения. Уничтожение всех записей, видимо, было делом небыстрым и хлопотным.

– Убийца хорошо знал это место, – сделала вывод Ева. – Или он настоящий волшебник в том, что касается охранных систем. А все остальное – лишь дымовая завеса. Я имею в виду весь этот разгром. Он знал, что делает. Пибоди, выясни, кто хозяин этого заведения и кто им управляет. Я хочу знать имена всех, кто здесь работает, – полный расклад!

К Еве подошел полицейский, на лице которого читалось нескрываемое удивление.

– Лейтенант, там, на улице, один штатский...

– Там много штатских, – мрачно вставила Ева.

– Да, лейтенант, но он хочет с вами поговорить. Он утверждает, что вы... э-э-э...

– Что – «э-э-э»?

– Что вы – его жена.

– Угадайте, кому принадлежит «Чистилище», лейтенант, – сказала Пибоди, сверившись со своим мини-компьютером и бросив на начальницу хитрый взгляд. – Компании Рорка!

– Мне бы следовало догадаться, – вздохнула Ева и направилась к выходу.

* * *

За последние два часа – с тех пор как они с мужем расстались, отправившись каждый по своим делам, – Рорк нисколько не изменился. Ева отметила это с невеселой иронией. Стройный, красивый, в светлом плаще, Рорк терпеливо дожидаясь жену возле входа, и легкий ветерок трепал его черные волосы, делая лицо поэтически-греховным. Темные очки добавляли ему элегантности. Увидев Еву, он снял очки, сунул их в карман и изобразил на лице удивление, будто и не ожидал ее здесь встретить.

– Доброе утро, лейтенант.

– Привет! Давно не виделись! У меня возникло скверное предчувствие сразу же, как только я сюда вошла, и, как видно, оно меня не подвело. Это ведь твое заведение, верно? Ты что, черт побери, хозяин всей вселенной?

– Это была мечта моего детства. – В голосе Рорка зазвучал едва уловимый ирландский акцент – так бывало всегда, когда он волновался. Он посмотрел через плечо Евы на царивший внутри помещения разгром. – Но, похоже, кто-то ее раздолбал.

– А полицейскому было обязательно говорить, что я твоя жена?

– Но ты же действительно моя жена, за что я не устаю ежедневно благодарить всевышнего, – ответил Рорк. Он взял ее руку и прикоснулся к обручальному кольцу. – Вот доказательство.

Ева раздраженно отдернула руку.

– Не трогай меня!

– Всего пару часов назад ты говорила совсем другое. Ты просила...

– Заткнись, Рорк! – Ева оглянулась по сторонам, боясь, что их кто-то услышит, однако поблизости никого не оказалось. Все полицейские работали внутри. – Ты что, не соображаешь? Идет расследование убийства!

– Мне об этом уже сообщили.

– Кто?

– Помощник управляющего. Это он обнаружил труп. Сначала он, разумеется, вызвал полицию, а потом уже позвонил мне. Это вполне естественно. Так что же здесь произошло?

Ева не видела смысла в том, чтобы что-то утаивать. Хочешь не хочешь, а тут их с Рорком сферы профессиональной деятельности пересеклись, и от этого уже никуда не деться. Что ж, может, оно и к лучшему, это поможет ей сэкономить время.

– У тебя работал бармен по имени Коли? Тадж Коли?

– Понятия не имею. Но могу выяснить. – Рорк достал карманный компьютер и принялся нажимать на кнопки. – Он мертв?

– Мертвее не бывает.

– Да, он работал на меня, – кивнул Рорк, и ирландские нотки в его голосе зазвучали еще отчетливее. – В течение последних трех месяцев. По четыре дня в неделю. У него есть семья.

– Да, я знаю. – Все, что связано с семьей, имело для Рорка очень большое значение, и это неизменно трогало сердце Евы. – Он был полицейским, – сказала она и отметила, что брови Рорка удивленно поползли вверх. – Бьюсь об заклад, что этой информации в твоём компьютере нет.

– Нет, – признался Рорк. – Видимо, мой управляющий проморгал. Что ж, значит, будет наказан. Я могу войти внутрь?

– Да, только через пару минут. А пока скажи мне, как давно принадлежит тебе этот клуб?

– Около пяти лет.

– Сколько здесь работает людей?

– Я предоставлю вам всю необходимую информацию, лейтенант, и отвечу на любые ваши вопросы, – уже с нескрываемым раздражением ответил Рорк и двинулся по направлению к входу в клуб. – Но сначала я хочу посмотреть, что там творится.

Он толкнул дверь, вошел и окинул взглядом царивший внутри хаос. Затем взгляд его остановился на черном пластиковом мешке, в котором находилось тело. Оно лежало на металлической каталке.

– Как его убили?

– Со знанием дела, – с мрачным юмором ответила Ева.

Рорк осуждающе посмотрел на жену.

– Ну ладно, извини, – вздохнула она. – Зрелище было жуткое. Его забили металлической бейсбольной битой. После первых нескольких ударов он уже ничего не чувствовал.

Рорк посмотрел на зеркало, заляпанное кровью и похожее на картину сюрреалиста.

– Тебя когда-нибудь били бейсбольной битой? – проговорил он и, прежде чем Ева успела ответить, добавил: – Меня – да. Мерзкое ощущение, должен тебе сказать. А вот это, – Рорк обвел рукой помещение, – сделано нарочно, чтобы инсценировать ограбление. Но на самом деле это не ограбление.

– Почему ты так считаешь?

– Посмотри кругом. Здесь было много спиртного, которое стоит баснословно дорого. Зачем же налетчику бить бутылки, если их можно прихватить с собой, а затем продать? Такой погром не могли устроить ради денег, которые были в кассе, а наличных тут наверняка было мало. В заведениях такого уровня клиенты расплачиваются преимущественно кредитными карточками и чеками.

- Ты знаешь это по собственному опыту?

Рорк невесело усмехнулся:

- Да, по собственному опыту бизнесмена и законопослушного гражданина.

- Охотно верю.

- Вы просмотрели записи видеокамер наблюдения?

- Нет никаких записей. Преступник их уничтожил.

- Следовательно, он заранее изучил помещение.

- Сколько камер здесь было?

Рорк снова полез в свой компьютер.

- Семнадцать. Девять на этом уровне, шесть на втором и еще две на верхнем. Предвидя твой следующий вопрос, сразу сообщаю: клуб закрывается в три часа утра, ну, иногда, может, на полчаса позже. Последнее шоу заканчивается в два. Музыканты и актрисы...

- Стриптизерши, - уточнила Ева.

- Как тебе будет угодно, - не стал спорить Рорк. - Так вот, они к моменту закрытия уже расходятся. Через час я предоставлю тебе их имена и график выступлений.

- Буду тебе весьма признательна. А почему - «Чистилище»?

- Почему я дал клубу такое название? - Его губ коснулась легкая улыбка. - Мне оно нравится. Священники рассказали бы тебе, что в чистилище душа искупает грехи, а на мой взгляд, это что-то вроде камеры предварительного заключения. Место, где человек сидит, пока наверху решают, приделать ему крылышки или отправить жариться в ад. Но пока он в чистилище, он еще человек.

- А что предпочел бы ты – крылышки или сковороду?

- В том-то и дело. Я предпочитаю оставаться человеком. – Мимо них провезли каталку с трупом. Рорк провел рукой по волосам. – Мне очень жаль, что так случилось.

- Мне тоже. Скажи, пожалуйста, с какой стати полиции Нью-Йорка внедрять детектива в твой клуб под видом бармена?

- Не имею ни малейшего представления. Ясное дело, у многих завсегдатаев клуба рыльце в пушку и они не в ладах с Уголовным кодексом. Да и наркотиками тут могли баловаться, особенно в отдельных кабинках, но никаких крупных незаконных операций здесь никто не проворачивал – в этом я абсолютно уверен. Иначе мне бы об этом сообщили. Стриптизерши с клиентами не спят, если только у них нет «желтого билета» (а кое у кого он имеется); несовершеннолетних сюда не пускают ни под каким видом. У меня существуют определенные принципы – даже в этом бизнесе, и я от них никогда не отступаю.

- Да я тебя ни в чем и не виню. Просто хочу получить более полную картину.

- Ты злишься из-за того, что я вообще оказался причастен к этому клубу?

Ева промолчала и взъерошила свои коротко стриженные каштановые волосы. Полицейские открыли двери, чтобы выкатить каталку с телом, и в клуб на несколько мгновений ворвался уличный гул. Движение становилось все более интенсивным, машины тормозили и газовали, обмениваясь короткими нетерпеливыми гудками.

- Да, я злюсь, – наконец согласилась Ева, – но это не имеет значения. Когда ты был здесь в последний раз?

- Давно, даже не припомню точно когда. Клуб успешно работал, приносил прибыль, так что поводов для моего личного вмешательства в дела не было.

- Кто здесь управляющий?

- Это женщина – Ру Маклин. Я предоставлю тебе информацию и о ней тоже.

– Не затягивай с этим, пожалуйста. Пройдешься по всему помещению?

– Не имеет смысла. Я был здесь так давно, что уже не помню, как выглядело это место. Но у меня где-то были фотографии. Я их обязательно найду и тогда уж вернусь сюда и внимательно все осматрю. Надеюсь, меня сюда пустят?

– Я предупрежу своих людей. Что тебе, Пибоди? – обернулась Ева к своей помощнице, которая явно хотела что-то сказать, но не осмеливалась помешать разговору начальницы с мужем.

– Лейтенант, я связалась с начальником подразделения, в котором служил убитый. Они собираются послать своего человека к его родным, чтобы сообщить им о случившемся, и спрашивают, не хотите ли вы к ним присоединиться.

– Да, пусть подождут меня. Я уже выезжаю. Мне пора, – обернулась она к Рорку.

– Ну и работенка у вас, лейтенант! Не завидую я вам, – пробормотал тот. Видя, что жена нуждается в поддержке, он взял ее руки и крепко сжал их. – Держись, Ева, а я постараюсь раздобыть для тебя всю необходимую информацию, и как можно скорее.

Сказав это, он направился было к дверям, но Ева окликнула его:

– Рорк!

– Да? – обернулся он.

– Мне очень жаль, что с твоим клубом такое сотворили.

– А-а! – Рорк махнул рукой. – Это всего лишь дерево и стекло. На свете такого добра навалом.

– Переживает, – пробормотала Ева, провожая мужа взглядом.

– Что вы сказали, лейтенант?

– Кто-то перешел Рорку дорогу, и ему это с рук не сойдет. Рорк такие вещи не прощает. Ладно, Пибоди, пошли. Нас ожидает встреча с женой убитого, и это будут тяжкие минуты.

* * *

Семья Коли обитала в невысоком и не слишком привлекательном здании в Ист-Сайде. Ева подумала, что обычно в таких районах селятся либо молодые семейные пары, либо отошедшие от дел старики. Место недостаточно фешенебельное для состоятельных людей, но и не район бедняков. Дом был хоть и не новым, но аккуратным и чистеньким – судя по всему, не так давно он подвергся капитальному ремонту. Дверь подъезда запиралась на кодовый замок.

Наметанный взгляд Евы сразу же определил двух полицейских – женщину и мужчину, поджидавших ее возле подъезда. Она припарковала машину у обочины и поставила на приборную доску мигалку, чтобы коллеги из дорожной полиции не утруждали себя выписыванием штрафа за стоянку в неполюженном месте.

Женщина была стройной, с волосами до плеч. Две пряди волос лежали на ее щеках, как лезвия кривых кинжалов. На ней был дорогой строгий костюм темно-синего цвета и темные очки. Судя по туфлям на высоком каблуке, она занималась кабинетной работой. «Начальница», – безошибочно определила Ева.

Мужчина был широк в плечах, с небольшим брюшком; в волосах обильно серебрилась седина. На ногах у него были ботинки полицейского образца – тяжелые, с толстыми подошвами и начищенные до блеска. Пиджак был ему тесноват, рукава обмахрились. «Ветеран», – подумала Ева. Мужчина ей сразу понравился – лицо его было спокойным и сосредоточенным.

Женщина выступила вперед и протянула Еве руку.

– Лейтенант Даллас? Я вас узнала. Вас часто показывают в выпусках теленовостей. – В ее голосе прозвучала нотка то ли зависти, то ли упрека. – Я – капитан Рот из сто двадцать восьмого отдела. А это – сержант Клуни. Мы приехали выразить соболезнования вдове нашего убитого товарища.

– Спасибо за то, что подождали нас. Познакомьтесь, это моя помощница, сержант Пибоди.

– На каком этапе находится ваше расследование, лейтенант?

– Сейчас телом детектива Коли занимаются патологоанатомы, делу придан статус первостепенной важности. После того как о случившемся будут поставлены в известность близкие погибшего, я немедленно приступлю к подготовке отчета. – Ева на секунду умолкла, дожидаясь, пока мимо проедет ревущий автобус. – А пока, капитан Рот, мы имеем только тело погибшего сотрудника полиции, которого, судя по всему, рано утром в стриптиз-клубе зверски забили до смерти бейсбольной битой.

– Ограбление?

– Маловероятно.

– Каков же в таком случае мотив? Что вы об этом думаете?

В груди Евы зашевелилось негодование, которое, как она знала, непременно вырвется наружу, если не взять себя в руки.

– У меня пока не сложилось определенного мнения на этот счет, – ответила она. – И вообще, капитан Рот, что вы предпочитаете: стоять на улице и допрашивать меня или прочитать подробный отчет, который я подготовлю в ближайшее время?

Рот хотела было возмутиться, но передумала.

– Намек понят, лейтенант. Буду с вами откровенна. Детектив Коли работал в моем отделе на протяжении многих лет, и я хочу, чтобы мы сами расследовали это убийство.

– Я понимаю ваши чувства, капитан, и смею заверить вас, что буду проводить расследование со всей возможной тщательностью.

«Да сними же ты эти чертовы очки! – подумала Ева про себя. – Я хочу видеть твои глаза!»

– Вы, конечно, можете попробовать и, возможно, добьетесь, чтобы расследование передали вам, – добавила она. – Но я тоже буду с вами откровенна и предупреждаю, что я его так просто не отдам. Сегодня утром я стояла над телом Коли и видела, во что его превратили. Уверяю вас, я горю желанием поймать убийцу не меньше, чем вы.

– Капитан! – вступил в разговор сержант Клуни, коснувшись руки Рот. От уголков его светло-голубых глаз разбегались морщинки, и от этого лицо Клуни выглядело усталым и располагало к доверию. – лейтенант! – Он поочередно посмотрел на женщин. – Сейчас все мы находимся во власти эмоций, и это вполне понятно. Но на нас лежит обязанность, которую мы должны исполнить.

– Ты прав, Арт, ты прав. Давайте покончим с этим. – Капитан Рот подошла к подъезду и открыла замок с помощью универсального полицейского ключа.

Клуни повернулся к Еве.

– лейтенант, – нерешительно заговорил он, – я понимаю, что вы захотите допросить Пэтси, жену Таджа, но прошу вас, не очень на нее сейчас нажимайте. Я представляю, через что ей предстоит пройти. Я сам всего три месяца назад потерял сына. Он тоже был полицейским и погиб, патрулируя улицы. Такое ощущение, что в тебе проделали огромную дыру...

– Не волнуйтесь, я не буду бить ее ногами. – Ева вошла в подъезд, но затем остановилась и, обернувшись к сержанту, сказала уже более миролюбиво: – Сержант, я не знала этого человека, но он был полицейским, и он убит. Для меня этого вполне достаточно. Понятно?

– Хорошо, хорошо! Я все понял.

– Господи, до чего я ненавижу такие моменты! – пробормотала Ева, следуя за Рот по направлению к лифту. – Как только вы это выдерживаете? – обратилась она к Клуни.

– Честно говоря, мне часто поручают выполнение этой печальной миссии. Говорят, у меня хорошо получается утешать людей, – он смущенно улыбнулся. – Я соглашаюсь на это. Почему бы и нет, если я могу хоть в малой степени облегчить страдания человека?

Они стояли возле лифта, дожидаясь, пока придет кабина. От улыбки Клуни не осталось и следа, его губы были плотно сжаты.

– Как я это выдерживаю? Сам не пойму. Я знаю одно: родным погибшего становится немного легче, когда их утешает коп, а когда этот коп и сам пережил подобное горе, у него это получается еще лучше. Вам приходилось терять кого-нибудь из членов семьи, лейтенант?

Ева вспомнила темную комнату, мужчину, лежащего в луже крови, скорчившуюся в углу маленькую девочку, какой она тогда была, и сухо ответила:

– У меня нет семьи.

– Н-да... – только и произнес Клуни, когда, поднявшись на четвертый этаж, они вышли из кабины лифта.

Они знали, что женщина, которая откроет им дверь, поймет все в первую же секунду. Жена копа, увидев на пороге трех полицейских с мрачными лицами, тут же догадается, с какой вестью они пожаловали к ней в дом. Прозвучат какие-то слова, но они ни черта не будут стоить. С того момента, когда откроется дверь квартиры, жизнь обитателей в ней людей окажется сломанной раз и навсегда.

Все началось раньше, чем они успели постучаться. Дверь распахнулась, и на пороге появилась Пэтси Коли – хрупкая женщина с шоколадной кожей и густой шапкой темных курчавых волос. Она, видимо, собралась на прогулку: на груди ее в сумке-«кенгуру» сидел младенец. Рядом, вцепившись в материнскую юбку, приплясывал маленький мальчик и радостно вопил:

– Идем качаться! Идем качаться!

Пэтси смеялась, однако смех сразу умер в ее глазах и улыбка погасла, когда она увидела пришедших. Замерев на месте, женщина еще крепче прижала ребенка

к груди.

- Тадж... - только и вымолвила она.

Рот сняла очки, однако холодный взгляд ее синих глаз был так же непроницаем, как и темное стекло.

- Пэтси, позвольте нам войти.

Женщина даже не шелохнулась и лишь беспомощно повторяла:

- Тадж... Тадж...

Вперед выдвинулся Клуни и обнял ее за плечи.

- Пойдем, Пэтси. Давай сядем.

- Нет! Нет! Нет!

Мальчик заплакал и стал тереть безвольно повисшую руку матери. Рот и Ева переглянулись; в глазах обеих было сострадание и ощущение собственной беспомощности. Но тут между ними протиснулась Пибоди и присела на корточки.

- Привет, дружок!

- Пойдем на качели, мама! - жалобно всхлипывал мальчик, и по его пухлым щечкам струились слезы.

- А и вправду, лейтенант, может, мы с парнишкой пока погуляем на улице?

- Прекрасная мысль! Молодец, Пибоди! - Ева и сама с трудом сдерживала рвущиеся наружу слезы. - Миссис Коли, если не возражаете, моя помощница пойдет с вашим сыном погулять. По-моему, это сейчас будет лучше всего. Как его зовут?

– Чед. – Пэтси посмотрела на сына, словно выходила из глубокого сна. – Мы с ним обычно гуляем в парке, в двух кварталах вниз по улице. Там качели...

– Не беспокойтесь, миссис Коли, я о нем позабочусь. – С ловкостью, удивившей Еву, Пибоди подхватила мальчика на руки и вышла на площадку. – Эй, Чед, ты любишь соевые хот-доги?

– Давай я возьму у тебя малышку, Пэтси. – Клуни расстегнул «кенгуру», высвободил ребенка и, к ужасу Евы, передал его ей.

– Послушайте, я не умею... – попыталась протестовать она, но автоматически протянула руки и приняла девочку. Ладони у Евы сразу вспотели. Девочка пролепетала что-то непонятное, и, встретившись с доверчивым взглядом больших темных глаз, Ева окончательно утратила присутствие духа. Она огляделась в поисках помощи, однако Рот и Клуни уже усадили Пэтси на диван и расположились по обе стороны от нее. Комната была небольшой, но уютной. На ковре были разбросаны игрушки, в воздухе пахло тальковой присыпкой, детским кремом и сахаром. Пахло детьми.

На полу возле стула стояла большая корзина с выстиранным, но еще не выглаженным бельем. Ева облегченно вздохнула и положила ребенка поверх белья.

– Лежи смирно, – прошептала она, неумело погладила девочку по темной головке и только после этого вновь осмелилась дышать.

Ева обернулась и посмотрела на сидящих. Пэтси била дрожь, она вцепилась в руки Клуни и не выпускала их. Из ее груди не вырывалось ни звука, но по лицу градом текли слезы.

Ева наблюдала эту сцену, и у нее щемило сердце. «Видимо, у них очень дружный отдел, – думала она. – Настоящая семья. И когда наступил тяжелый момент, все встали плечом к плечу, чтобы поддержать друг друга».

Горе заволочло комнату подобно туману. И теперь оно поселится здесь надолго – до тех пор, пока время не зарубцует ужасную рану.

- Это моя вина! - наконец произнесла Пэтси. - Это я виновата!

- Нет! - Клуни стиснул ее ладони, и женщина подняла на него глаза. Каждый раз, когда ему приходилось сообщать людям о гибели их близких, они пытались встретиться с ним взглядом - чтобы поверить в слова о том, что все пройдет, найти в его глазах утешение. - Ты тут ни при чем.

- Он не пошел бы работать в этот проклятый клуб, если бы не я! После рождения Джилли я решила не возвращаться на работу - мне хотелось быть дома, с детьми. Но пособие на детей было таким маленьким...

- Пэтси, Тадж был счастлив, что ты решила остаться дома. Он так гордился и тобой, и детьми!

- Я не могу! Чед... - Женщина высвободила руки и закрыла лицо ладонями. - Как я объясню ему, где папа? Как нам жить без Таджа? - Она бессильно уронила руки на колени и огляделась вокруг невидящим взглядом. - Я должна его увидеть! Может, тут какая-то ошибка...

Ева поняла, что настало ее время.

- Извините, миссис Коли, но, к сожалению, это не ошибка. Я лейтенант Даллас, я возглавляю расследование.

- Значит, вы видели Таджа? - Пэтси с трудом поднялась. Ноги плохо держали ее.

- Да. И я глубоко сочувствую вам в связи с вашей утратой. Для того чтобы найти человека, который это сделал, мне нужна ваша помощь. Вы можете поговорить со мной, миссис Коли?

- Лейтенант Даллас... - начала Рот, но Пэтси замотала головой:

- Нет, нет! Я хочу говорить! Я должна это сделать ради Таджа. Он бы хотел... Где Джилли? Где моя девочка?

- Я... э-э-э...

Ева снова почувствовала, как у нее взмокли ладони, и беспомощно показала на корзину.

– О! – Пэтси вытерла мокрое от слез лицо и нашла в себе силы улыбнуться. – Она у меня такая красавица, правда? И очень спокойная. Мне нужно уложить ее в кроватку.

– Сиди, Пэтси, я сам ее уложу. – Клуни поднялся с дивана. – А ты пока поговори с лейтенантом. – Он бросил в сторону Евы взгляд, полный понимания. – Тадж бы сказал тебе то же самое. Может, вызвать кого-нибудь – твою сестру, например?

Пэтси судорожно вздохнула.

– Да, Арт, позвони ей, пожалуйста. Позвони Карле.

– Я уложу малышку, а капитан Рот позвонит твоей сестре. Хорошо, капитан?

Рот сжала зубы. Было видно, что она колеблется. «Ничего удивительного, – подумала Ева. – В этой комнате сейчас главный Клуни, а капитан – не из тех людей, которые привыкли выполнять приказы своих подчиненных».

– Да, конечно, – наконец ответила она и, бросив на Еву предупреждающий взгляд, встала и вышла в соседнюю комнату.

– Вы работаете в том же отделе, что и Тадж? – спросила Пэтси.

– Нет, в другом.

– Ах, ну да, конечно. Вы, должно быть, из отдела по расследованию убийств...

Только что Пэтси находилась на грани нервного срыва, она заикалась, и слова толчками выходили из ее горла. Теперь же Ева с восхищением наблюдала, как за считанные секунды женщина собралась и взяла себя в руки.

– Что вы хотите узнать?

– Вы не начали волноваться, когда сегодня утром ваш муж не вернулся домой?

– Нет. – Пэтси оперлась о спинку дивана и медленно опустилась на подушки. – Тадж еще накануне предупредил меня о том, что задержится после закрытия клуба – он часто так делал. Он сказал мне, что должен с кем-то встретиться.

– С кем именно?

– Он сообщил только о том, что у него назначена встреча.

– Кто мог желать ему зла, миссис Коли?

– Он был полицейским, – просто ответила женщина. – Наверняка есть люди, которые могут желать вам зла, лейтенант, не так ли?

«Да, пожалуй», – подумала Ева и кивнула.

– А кого-нибудь конкретно можете назвать? Кого-то, чье имя он упоминал?

– Пожалуй, нет. Тадж вообще не любил говорить со мной о работе. Это было его принципом. По долгу службы ему приходилось иметь дело с разными подонками, и он не хотел разговорами о них пачкать свою семью. Однако вчера он был встревожен.

Пэтси сложила руки на коленях и опустила голову. Еве бросилось в глаза ее широкое золотое обручальное кольцо.

– Я видела, что он чем-то обеспокоен, и спросила его об этом, но он только отмахнулся. В этом был весь Тадж. – Пэтси слабо улыбнулась. – Некоторые люди сказали бы, что он привык командовать в доме, но... просто он был таким, вот и все. Во многих отношениях он был весьма старомоден. Но Тадж был прекрасным человеком, великолепным отцом и очень любил свою работу. – Женщина плотно сжала губы, помолчала и продолжила: – Он был готов погибнуть, выполняя свой долг; он даже гордился бы этим. Но не так, не так! У него даже это отобрали. А его самого отобрали у меня и у детей. Как такое могло случиться, лейтенант?! Кто мог это сделать?

У Евы не было ответов. Она лишь могла задавать все новые и новые вопросы.

2

– Ужасно! – выдохнула Пибоди.

– Да. – Ева резко тронула машину и отъехала от тротуара. Она чувствовала, как на нее давит огромное горе, воцарившееся в квартире Коли, словно частицу его она унесла с собой. – Но Пэтси должна справиться – хотя бы ради детей. Похоже, она сильная женщина.

– А детишки у нее и впрямь замечательные. Парнишка – просто чудо! Расколол меня на соевый хот-дог, три шоколадных батончика и сладкую вату.

– Я думаю, ему недолго пришлось тебя упрашивать. Любишь детей?

Пибоди улыбнулась.

– У меня племянник примерно такого возраста.

– У тебя, по-моему, есть племянники любых возрастов.

– Что есть, то есть.

– Слушай, Пибоди, можешь ты, основываясь на своем богатом опыте внутрисемейных отношений, растолковать мне одну вещь? Вот, допустим, живет семья – хорошая, дружная, крепкая: муж, жена, чудесные детишки. Так почему жена, которая является стеновым хребтом и мозгом семьи, не знает ровным счетом ничего о работе мужа? О его повседневных делах, о том, что его тревожит.

– Возможно, он просто предпочитает, возвращаясь домой, оставлять работу за дверью.

– Нет, эта версия меня не вдохновляет. Если ты с кем-то живешь, ты должен знать, о чем думает, чем занимается этот человек. Пэтси говорит, что муж был чем-то обеспокоен, но она даже не попыталась выяснить, чем именно. – Ева притормозила на оживленном перекрестке, наморщила лоб и покачала головой:
– Нет, я этого не понимаю!

– Просто у вас с Рорком иная супружеская динамика.

– А это что еще за чертовщина?

– Ну-у... – Пибоди осторожно покосилась на сидевшую за рулем Еву. – Это всего лишь вежливая попытка сказать, что вы оба упрямы, как, извините, ослы. Если один хочет что-то узнать о другом, он будет тянуть из него жилы, пока не визнает все до последнего. А поскольку вы оба очень наблюдательные, ни один из вас не в состоянии ничего скрыть от другого. Но вот если взять, к примеру, мою тетю Мириам...

– А может, не надо?

– Я только хочу сказать, что они с дядей Джимом женаты уже больше сорока лет. Он каждый день уходит на работу, а вечером возвращается домой. У них – четверо детей, восемь... нет, уже девять внуков, и они вполне счастливы. Но тетя даже не знает, сколько зарабатывает ее муж. Он просто содержит ее, и...

Ева едва не врезалась в ехавшее впереди такси.

– Что он делает?

– Вот видите! Я же говорила, что у вас – другая динамика. В общем, он дает ей деньги на содержание дома и на еду. Вечером она спрашивает у него, как прошел день, он отвечает, что хорошо, и на этом тема работы исчерпана. – Пибоди пожала плечами. – Вот так и живут. Теперь возьмем мою двоюродную сестру Фреду...

– Не надо Фреду, я тебя поняла! – перебила ее Ева, сняла трубку автомобильного телефона и набрала номер судмедэкспертов. Ее соединили с доктором Моррисом, главным патологоанатомом.

– Я все еще работаю с телом, Даллас, – сказал Моррис непривычно жестко. – Как же его отделали, боже праведный!

– Я знаю. Ты уже провел токсикологическое исследование?

– А как же, первым делом! Наркотики в организме не обнаружены. Перед самой смертью он выпил кружку пива и съел пару бутербродов. Похоже, что первый удар ему был нанесен как раз в тот момент, когда он пил пиво. Последний раз этот парень основательно поел шесть часов назад – большой сэндвич с цыпленком, мясной салат, кофе. Могу сказать, что пока какой-то подонок не превратил бедолагу в кусок мертвого мяса, тот был здоровым, сильным мужчиной в прекрасной физической форме.

– Ясно. Причиной смерти стал проломленный череп?

– Я же сказал тебе, что еще не закончил работать с телом. – В голосе Морриса зазвучали резкие нотки, однако он тут же спохватился и проговорил примирительным тоном: – Ладно, ладно! Кое-что я могу тебе сообщить, но не очень много. Нападавший подошел к жертве сзади, и первый удар пришелся по затылку. Порезы на лице показывают, что от этого удара он упал и врезался лицом во что-то стеклянное. Второй удар, нанесенный сбоку в челюсть, повалил несчастного на пол, а потом ублюдок расколол ему голову, как кокосовый орех. Он умер, даже не успев сообразить, что происходит. Все остальные травмы нанесены жертве уже после смерти, и я еще не успел их как следует осмотреть.

– Пока того, что ты сообщил, мне вполне хватит. Извини, что я тебя дергаю.

– Да нет, дело не в тебе. Просто я был знаком с убитым и воспринимаю это дело как личное. Он был классным парнем – жизнерадостным, любил показывать фотографии своих детишек... В нашей работе не часто встречаешь улыбающиеся лица, а он все время так и лучился. – Моррис помолчал, а потом добавил: – Я рад, что это дело ведешь ты, Даллас. Я пришлю тебе отчет к концу рабочего дня.

В трубке раздались короткие гудки.

– Классный парень... – повторила Ева слова, сказанные Моррисом. – Кто же мог сделать такое с хорошим человеком, образцовым отцом и любящим мужем? Кто осмелился превратить в отбивную копа, зная, что на это дело будет брошена вся

полиция Нью-Йорка, что мы будем рыть землю до тех пор, пока не отомстим? Видимо, наш «классный парень» здорово встал кому-то поперек горла.

- Может, тому, кого он когда-то засадил?

Да, на каждого полицейского имели зуб те люди, которые благодаря его усилиям оказались за решеткой. И копы никогда не забывают о том, что им могут попытаться отомстить.

- Нет, если коп выпивает с человеком, которого он когда-то засадил, а потом поворачивается к нему спиной, то этим он буквально приглашает собутыльника проломить ему голову. Давай-ка, Пибоди, постараемся как можно скорее получить о нем всю имеющуюся информацию. Я хочу знать досконально, что представлял собой человек по имени Тадж Коли и каким он был полицейским.

* * *

Возле кабинета Евы на скамье, стоявшей у стены, сидела женщина. Увидев Еву с Пибоди, она поднялась.

- Лейтенант Даллас?

- Она самая.

- Меня зовут Ру Маклин. Я только что узнала о том, что случилось с Таджем. Я... - Женщина развела руками. - Рорк сказал мне, что вы хотели бы со мной поговорить, вот я и приехала. Я хочу вам помочь.

- Очень вам благодарна. Подождите минутку. - Ева повернулась к своей помощнице: - Пибоди, найди досье Таджа Коли, а затем проверь состояние его финансов.

- Простите, лейтенант, каким же образом мне удастся получить информацию о его финансовом положении?

– Каким угодно! Покопайся в компьютерных файлах, позвони Фини из отдела электронного сыска, выясни, с кем из своего отдела он был наиболее близок. Если он не рассказывал о своей работе жене, возможно, он говорил о служебных делах с коллегами. Мне нужно знать, было ли у него какое-то хобби, увлечения на стороне. И мне нужно знать, над каким делом он работал в последнее время. Я хочу знать о нем все! Поняла?

– Так точно, лейтенант.

– Мисс Маклин, давайте поговорим в комнате для допросов. Боюсь, что в моем кабинете... гм... царит некоторый беспорядок.

– Как скажете. До сих пор не понимаю, как такое могло случиться! У меня это просто не укладывается в голове!

– Вот сейчас мы об этом и поговорим. – «Поговорим официально», – мысленно добавила Ева, ведя Ру по лабиринту Управления к комнате для допросов – тесному помещению, в котором стояли стол и два стула. – Я хочу предупредить, что наш разговор носит официальный характер и по его результатам будет составлен отчет, – проговорила она, предложив гостю садиться.

– Я понимаю, – кивнула Ру.

Ева включила диктофон и заговорила:

– Запись допроса Ру Маклин. Допрос проводит лейтенант Ева Даллас. Ру Маклин добровольно выразила желание оказать помощь в расследовании дела об убийстве Таджа Коли. Благодарю вас за то, что проявили добрую волю, мисс Маклин.

– Не стоит благодарности. Я, правда, не знаю, что полезного могу вам сообщить.

– Вы являетесь управляющим клуба, в котором работал барменом Тадж Коли?

Глядя на собеседницу, Ева думала, что именно такую женщину Рорк и должен был взять на это место – холеную, стильную, привлекательную. Большие фиалковые глаза, в которых сейчас плескалась тревога, светились сапфирами на

белокожем лице. Тонкие черты лица и при этом волевой подбородок. Безупречную фигуру облегал элегантный костюм сливового цвета, короткая юбка не скрывала ни дюйма роскошных ног, от которых перехватило бы дух у любого мужчины. Светло-золотистые волосы женщины были забраны назад и туго стянуты на затылке.

- Да, я являюсь управляющим в клубе «Чистилище» уже четыре года.

- Чем вы занимались до этого?

- Выполняла обязанности метрдотеля в небольшом клубе в центре города. А еще раньше была танцовщицей. - На губах женщины появилась едва уловимая улыбка. - Артисткой. Но затем я решила бросить это ремесло и заняться менеджментом. Или, на худой конец, такой работой, которая позволила бы мне не раздеваться на публике. И вот Рорк предоставил мне такую возможность - сначала в «Трендс» в качестве, как я уже сказала, метрдотеля, а затем в «Чистилище». Ваш муж ценит в людях честолюбие, лейтенант.

Ева не хотела углубляться в эту тему, особенно с учетом лежавшего на столе включенного диктофона.

- Входит ли в ваши обязанности, как менеджера клуба, подбор персонала?

- Да, Таджа наняла именно я. Он искал работу с неполной занятостью. Его жена незадолго до этого родила ребенка и была вынуждена довольствоваться государственным пособием, поэтому Таджу был нужен приработок. Он выразил желание работать в ночную смену, и мы пошли ему навстречу. Кроме того, он был женатым мужчиной, что для нас немаловажно.

- Это условие является обязательным для всех ваших сотрудников?

- Нет, не обязательным, но желательным. - Как бы в доказательство своих слов Ру показала руку, украшенную только одним кольцом - обручальным, в виде трех сплетенных змеек. - Тадж, кроме того, умел готовить и подавать коктейли. А главное - он с первого взгляда мог определить, от кого из посетителей можно ожидать неприятностей. Я не знала, что он полицейский. В анкете Тадж написал, что работает в охранной фирме, и проверка подтвердила эти сведения.

– В какой именно фирме?

– «Линакс». Я позвонила в эту фирму, поговорила с начальством – по крайней мере, я так считала – и получила самые лучшие рекомендации в его адрес. У меня не было оснований сомневаться в их правдивости или в надежности фирмы, поэтому я зачислила Коли в штат с двухнедельным испытательным сроком. Он показал себя отличным работником и остался у нас.

– У вас сохранился телефон этой фирмы и имя человека, с которым вы разговаривали?

– Да, конечно. – Ру перевела дыхание. – Узнав о случившемся, я пыталась до них дозвониться, но этот номер больше не отвечает.

– Мне все равно понадобятся эти данные – нужно разобраться, что связывало Таджа с этой фирмой.

– Разумеется. Сейчас я найду телефон. – Ру открыла сумочку и достала электронную записную книжку. – Не знаю, почему Тадж не захотел сказать, что работает в полиции. – Женщина говорила и одновременно нажимала кнопки на клавиатуре. – Может, он решил, что, узнав об этом, я не захочу принять его на работу? А может, когда он выяснил, что владелец заведения – полицейский...

– Я не являюсь владельцем этого клуба.

– Ах да, конечно... – Маклин пожала плечами, переписала телефон из книжки и протянула бумажку Еве.

– Тадж Коли находился в клубе после закрытия. Это обычная практика?

– Нет, но такое случается. Обычно клуб закрывают два человека – дежурный бармен и кто-то из охраны. Вчера вечером дежурил Тадж, и, судя по моим записям, в паре с ним клуб должен был закрывать Нестер Вайн, однако разыскать его мне пока не удалось.

– Вы бываете в клубе ежедневно?

– Пять раз в неделю. По воскресеньям и понедельникам у меня выходной. Вчера я находилась в клубе до половины третьего. Клиенты уже расходились, а с одной из наших девочек стало плохо – у нее были какие-то проблемы с ее парнем, и она страшно нервничала. Я отвезла ее домой, посидела с ней немного, а потом отправилась восвояси.

– В котором часу?

– Когда я поехала домой? – Ру на секунду задумалась. – Примерно в половине четвертого или без четверти четыре.

– Как зовут женщину, с которой вы находились до этого момента?

– Митци, – выдохнула Ру. – Митци Тричер. Поверьте, лейтенант, когда я в последний раз видела Таджа, он был живехонек и стоял за стойкой бара.

– Я ни в чем вас не обвиняю, мисс Маклин, я всего лишь собираю факты. Вы не обратили внимания на то, в каком настроении пребывал Коли, когда вы с ним расстались?

– По-моему, в хорошем. Впрочем, мы обменялись с ним всего несколькими словами. Я дважды подходила к стойке, чтобы попросить минеральной воды. О чем мы говорили? Да так, ни о чем. Я спросила, как дела, он сказал, что сегодня очень много посетителей, и так далее в том же духе. – На несколько мгновений Ру прикрыла глаза. – Он был хорошим человеком – спокойным, уравновешенным. Часто звонил жене, чтобы узнать, все ли у нее в порядке.

– Он звонил по телефону, который стоит в баре?

– Нет, мы не поощряем личные звонки по служебному телефону, если только речь не идет о какой-то экстренной ситуации. Поэтому Тадж пользовался своим мобильным.

– Вчера вечером он тоже звонил?

– Не знаю, я не обратила внимания. Впрочем, подождите... – Глаза женщины сузились. – У нас позади бара расположена комната отдыха. Я проходила мимо и

заглянула в открытую дверь. Коли как раз находился там. В руке он держал сэндвич и говорил по телефону, причем сюсюкал, будто разговаривал с ребенком. Наверняка так оно и было. Знаете, почему я запомнила? Потому что это выглядит смешно и немного глуповато, когда такой здоровенный дядька агукает в трубку сотового телефона. Это для вас важно?

– Для меня сейчас все важно. Я пытаюсь воссоздать общую картину, получить представление об этом человеке. – Ева напрягла память и вспомнила, что утром сотовый телефон возле тела не обнаружили. – Не помните ли вы кого-нибудь, кто приходил к нему? Вот, к примеру, вчера – не торчал ли кто-то у стойки, когда он работал?

– Нет. У нас, конечно, есть постоянные клиенты – люди, которые приходят в клуб по несколько раз в неделю. Бармены обычно помнят и их самих, и напитки, которые они предпочитают. Клиенты это ценят. Но не могу сказать, что Тадж кого-то из них выделял.

– А с кем-нибудь из вашего персонала его связывали более тесные отношения, чем с другими?

– Да в общем-то нет. Как я уже сказала, он был очень спокойным, сдержанным человеком. Коли был дружелюбен со всеми, но особенно близко ни с кем не сходилась. Он вел себя как подобает бармену: наблюдал, слушал...

– Металлическая бита хранится под стойкой бара постоянно?

– Да, закон этого не запрещает, – ответила Ру и вдруг побелела. – Так его... этой битой?

Ева не ответила.

– Были ли случаи, чтобы Тадж пускал биту в ход или хотя бы пытался кого-то припугнуть с ее помощью?

– Насколько я знаю, Тадж никогда ни с кем не дрался. – Женщина говорила медленно, словно вспоминая. – Припугнуть – да. Раз или два он брал биту в руки, чтобы утихомирить каких-то буянов. Этого всегда оказывалось вполне

достаточно, особенно учитывая его габариты. Наш клуб – спокойное место, в нем редко случаются неприятности. Это – достойное, спокойное заведение, лейтенант, много Рорк не потерпел бы.

* * *

Предварительный отчет, составленный Евой, был краток и совершенно ее не удовлетворял. Пока в ее распоряжении имелось лишь несколько скудных фактов: полицейский, насмерть забитый бейсбольной битой, и разгром, учиненный, по всей видимости, человеком, находившимся под действием «Зевса» или комбинации каких-то подобных ему тяжелых наркотиков. Неуклюжая попытка инсценировать ограбление, отсутствие возле убитого принадлежащего ему сотового телефона – и тридцать серебряных монет, лежавших в крови.

Все в один голос твердят, что Коли решил подрабатывать в клубе барменом, поскольку в семье не хватало денег. Но зачем в таком случае он придумал какую-то мифическую охранную фирму, в которой якобы работает? Тадж не имел нареканий и выговоров в личном деле, пользовался расположением своих коллег и был любим близкими. Как удалось выяснить Еве, жил он по средствам, не имел связей с женщинами на стороне и не был вовлечен в какие-либо незаконные делишки, которые могли бы стать причиной его смерти. Так что на первый взгляд произошедшее с ним выглядело несчастным случаем. Но Ева в это не верила!

Она вынула из личного дела фотографию Таджа Коли. Крупный мужчина с гордым блеском в глазах, крепко сжатые челюсти.

– Кто-то решил вычеркнуть тебя из жизни, Тадж, – пробормотала она. – Кто? Кого ты так сильно разозлил?

Ева походила по кабинету, затем снова села за письменный стол и запустила специальную компьютерную программу. Заложив в нее все известные ей данные, она ввела запрос. Пожужжав с полминуты, машина выдала ответ:

Информация обработана. Вероятность того, что жертва была знакома с убийцей, составляет девяносто три и четыре десятых процента.

– Да, наверняка так оно и было. – Ева оперлась локтями на стол и запустила пальцы в волосы. – С кем обычно общаются копы? С другими копами, с осведомителями, с преступниками. С родными и соседями. А с кем обычно общаются бармены? – Ева коротко хмыкнула. – С кем ни попадя! С кем же этой ночью встречался ты, детектив?

Дверь приоткрылась, и в кабинет заглянула Пибоди.

– Лейтенант! Я проверила, над чем работал Коли в отделе наркотиков. Ни над чем! Похоже, в последнее время он не вел ни одного дела. По крайней мере, не делал никаких запросов на получение той или иной информации. Кроме того, я навела справки о состоянии его финансовых дел. Все имущество семьи Коли находится в совместной собственности, так что, если мы решим копать еще глубже, нам потребуется разрешение его вдовы.

– Если понадобится, получим. Меня пока больше интересует его работа. Ты достала послужной список Коли?

– Да, лейтенант, вот он. С первого взгляда ничего в глаза не бросается. Примерно полгода назад он принимал участие в большой операции против некоего наркодельца по имени Рикер.

– Макс Рикер?

– Да, но Коли и тут никак особо себя не проявил. Под прикрытием не работал – так, суетился где-то на заднем плане. Все лавры достались лейтенанту Миллзу и детективу Мартинес. Они взяли склад, на котором хранились наркотики Рикера, предъявили ему обвинение, но он каким-то образом сумел избежать суда. Однако шестерых его подельников все же упекли за решетку.

– Это интересно... Рикер, конечно, не из тех, кто самолично будет пачкать руки чужой кровью – не захочет себе маникюр портить. Но если его кто-то прижал, за ним не заржавеет – будет мстить, не задумываясь о последствиях, даже если речь идет о полицейских.

Подумав о такой возможности, Ева ощутила новый прилив энергии.

– Выясни, не давал ли Коли показаний в суде. Узнай досконально, какова была его роль в той операции. Обратись за этими сведениями к капитану Рот, а если она начнет выпендриваться, я сама ею займусь. В случае чего – сразу свяжись со мной. Я буду у майора.

* * *

Сложив свои крупные руки за спиной, майор Уитни стоял у окна и слушал доклад Евы о том, как продвигается следствие по делу об убийстве Таджа Коли. Внизу, на мостовой, бесшабашно виляя между другими машинами, проехал какой-то лихач, и тут же раздался вой сирены, замигали сине-красные огни, и вслед за ним от тротуара рванулся автомобиль дорожной полиции. «Молодой, наверное, – подумал Уитни, – и глупый!» Вскоре полицейская сирена умолкла, и это могло означать только одно: незадачливого гонщика сцапали.

В этот же момент умолкла и Ева. Уитни обернулся. У него было широкое лицо и короткий солдатский ежик волос, которые уже начали седеть. Первую половину своей службы этот могучий темнокожий мужчина проработал на улицах Нью-Йорка. И несмотря на то что теперь Уитни был вынужден проводить большую часть времени за письменным столом, являясь начальником отдела по расследованию убийств, он не забыл, каково быть простым патрульным.

– Лейтенант, прежде чем мы начнем обсуждать ваш отчет, хочу проинформировать вас, что я получил официальный запрос от капитана Рот, из 128-го отдела. Она требует, чтобы расследование дела об убийстве Коли было передано им.

– Да, сэр, она предупредила меня о том, что собирается сделать это.

– И что вы об этом думаете?

– Я ее понимаю. Она находится во власти эмоций.

– Согласен. – Уитни наклонил голову и помолчал. – А почему вы не спрашиваете, намерен ли я удовлетворить запрос капитана Рот?

– Не вижу смысла. Если бы вы решили отдать расследование Рот, вы сразу сообщили бы мне об этом.

Уитни сложил губы трубочкой и снова повернулся к окну.

– Согласен по обоим пунктам. Расследование остается у вас. Но помните, лейтенант, это дело очень важное – и для капитана Рот, и для всей полиции Нью-Йорка. Мы все знаем, насколько опасна наша профессия, и тем не менее, когда кто-то из нас гибнет, остальные переживают это очень тяжело. Однако то, как было совершено убийство детектива Коли, переводит его в совершенно иной разряд. Судя по его невероятной жестокости, преступник не является профессионалом.

– Да, сэр, но я пока не исключаю ни одной версии. Если тут замешан Рикер, можно предположить, что он нанял киллера и намеренно приказал ему устроить в клубе разгром, чтобы пустить нас по ложному следу. Я еще не знаю, что представлял собой Коли в качестве полицейского, майор. Может, он был слишком глуп или заносчив и вел себя недостаточно осмотрительно, столкнувшись лицом к лицу с одним из громил Рикера. Я приказала Пибоди выяснить, какие дела вел Коли, и проверить его послужной список. А сама пытаюсь узнать, с кем он был близок, собираюсь установить имена его осведомителей, а также понять, в чем заключалось его участие в операции против Рикера и судебном процессе.

– Это уже не первый случай, когда Рикера подозревают в организации убийства полицейского, но раньше он действовал тоньше.

– В данном случае, майор, мне кажется, присутствует какой-то личный мотив. Сейчас я не могу даже предположить, какой именно, но он наверняка есть. Кстати, клуб принадлежит Рорку.

– Да, я об этом слышал. – Хозяин кабинета отвернулся от окна, посмотрел на Еву долгим взглядом и направился к своему столу. – Куда ни посмотришь – сплошь личные мотивы.

Ева пожала плечами:

– Это отчасти упрощает нашу работу. Будет легче получить всю необходимую информацию о персонале и клиентах клуба. Его менеджер уже побывала у меня – по собственной инициативе. Известно, что Коли нуждался в дополнительном заработке. Меня смущает другое – то, что он утаил свою принадлежность к полиции. Это наталкивает на мысль о том, что он преследовал еще какие-то, неизвестные нам интересы. Коли не просто умолчал о том, что является полицейским, он даже придумал легенду и организовал прикрытие в виде некой фиктивной охранной фирмы. А поскольку нет и намек на то, что он работал по заданию отдела, все эти действия кажутся мне подозрительными.

– Мне не известно ни о каком расследовании, которое требовало бы присутствия детектива Коли в стрип-клубе «Чистилище» – под прикрытием или без оно. Однако я наведу об этом справки у капитана Рот. – Увидев, что Ева хочет возразить, Уитни поднял руку: – Будет гораздо лучше, если запрос об этом поступит не от вас, а от моего имени. Не надо лезть на рожон, Даллас.

– Как скажете, сэр, – неохотно подчинилась Ева. – И еще, мне нужен ордер, чтобы получить доступ к финансовой информации семьи Коли. Они с женой совместно владели всем имуществом, но сейчас мне бы не хотелось обращаться за разрешением к самой миссис Коли, потому что...

– Не хотите спугнуть ее раньше, чем вы ознакомитесь с этой информацией? – закончил за Еву ее начальник. – Думаете, он брал взятки?

– Мне хотелось бы исключить эту вероятность, сэр.

– Хорошо, сделайте это. Но только без лишнего шума. Я получу для вас необходимый ордер, а вы взамен найдите мне убийцу.

* * *

Остаток дня Ева провела, изучая служебное досье Таджа Коли и пытаюсь составить как можно более полное представление о нем как о человеке и полицейском. Первоначальное впечатление было таким: весьма средний работник, который выполняет свои обязанности не особо напрягаясь, а то и вовсе спуская рукава. Он редко пропускал свои дежурства, но еще реже соглашался на сверхурочную работу. Он ни разу не применял служебное оружие

и поэтому никогда не становился объектом интенсивного психологического тестирования или тем паче внутреннего расследования. Но вместе с тем имя Коли было связано со многими делами, раскрытыми им самим или при его участии, а его рапорты отличали дотошность, обстоятельность и точность.

Этот человек, как представлялось Еве, выполнял свои служебные обязанности точно по инструкции, ни больше ни меньше, а затем возвращался домой и напроочь забывал о работе. «Как люди могут так жить?» – удивлялась она.

Образ Коли, который складывался при чтении записей о его армейском прошлом, был примерно таким же: неприятностей не создавал, от службы не уваливал, но и звезд с неба не хватал. Он завербовался в армию, когда ему исполнилось двадцать два, и тянул военную лямку в течение шести лет, причем последние два года – в военной полиции. Образцовый служака, образцово-средняя жизнь.

Звонок на квартиру Нестера Вайна – охранника из «Чистилища» – ничего не дал. К телефону подошла его жена и заполошным голосом, охая и ахая, рассказала, что накануне Нестер вернулся домой задолго до окончания смены, причем ужасно себя чувствовал. В три часа утра она отвезла мужа в больницу, где у него нашли острый аппендицит, и только что вернулась домой, оставив его на попечение врачей.

Алиби Вайна оказалось железобетонным, и Ева поняла, что тут ей больше нечего ловить. Правда, жена охранника дала Еве небольшую наводку, посоветовав повидаться с некой стриптизершей по имени Нэнси, которая еще оставалась в клубе после того, как Коли отправил заболевшего Вайна домой.

На всякий случай Ева все же позвонила в больницу и выяснила, что рано утром Нестеру Вайну действительно удалили аппендикс. Мысленно вычеркнув Вайна из списка подозреваемых, Ева вписала в освободившуюся графу имя стриптизерши Нэнси.

Звонки на мобильные телефоны лейтенанта Миллза и детектива Мартинес результата не дали. «Телефон абонента временно недоступен», – равнодушно бубнил механический голос. На автоответчиках каждого из этих людей Ева оставила просьбу перезвонить и свои координаты, а затем собрала бумаги и собралась ехать домой. Вечером она намеревалась вплотную заняться финансовыми делами детектива Коли.

Пибоди сидела в стеклянной камерке, служившей ей кабинетом, и тоже разбиралась с какими-то документами.

– Пора отдыхать, Пибоди. Закончишь завтра, а сейчас отправляйся домой.

Просияв, Пибоди взглянула на часы.

– Ой, и правда, пора! Я в восемь часов ужинаю с Чарльзом, а до этого мне нужно привести себя в порядок. – Услышав недовольное ворчание Евы, ее помощница улыбнулась. – Знаете, какие проблемы возникают, когда встречаешься одновременно с двумя мужчинами?

– По-твоему, Макнаб – мужчина?

– Иногда он им бывает. К тому же он составляет яркий контраст Чарльзу. Но вы не ответили на мой вопрос. Знаете, какие проблемы возникают, когда встречаешься с двумя мужчинами одновременно?

– Нет, Пибоди. Расскажи мне, пожалуйста, о том, какие возникают проблемы, когда встречаешься с двумя мужчинами одновременно, – устало вздохнула Ева.

– Никаких! – Пибоди звонко рассмеялась, схватила сумку и выскочила из своей стеклянной конуры. – До завтра!

Ева покачала головой. На ее взгляд, даже один мужчина в жизни женщины являлся источником слишком многих проблем. Кстати, если она поторопится, то, возможно, ей удастся вернуться домой раньше его – этого самого мужчины.

* * *

В порядке эксперимента Ева попыталась не думать о делах. Движение на дороге было жутким – час пик! – а тут еще эта дурацкая неоновая реклама, которая мигает со всех сторон, заклиная срочно покупать новинки весенней моды и последние модели машин. И вдруг на огромном уличном экране, на котором безостановочно крутились рекламные ролики, возникло знакомое лицо. От неожиданности Ева чуть не въехала в лоток торговца хот-догами. На высоте третьего этажа над 38-й улицей появилось изображение ее лучшей подруги,

певицы и танцовщицы Мэвис Фристоун. Одета – если только в данном случае это слово было уместно – в несколько крохотных кусочков блестящей голубой ткани, она прыгала и извивалась на экране под оглушительную музыку – опять же, если этим словом можно было назвать какофонию, которую извергали огромные динамики. Волосы Мэвис, выкрашенные в два цвета – розовый и зеленый – и заплетенные в косички не меньше метра длиной, при каждом ее прыжке взлетали, падали и извивались, словно разноцветные змеи.

Мэвис вообще любила экспериментировать со своими волосами, следуя за капризами моды, и они постоянно меняли свой цвет – от красного к золотому или кислотно-зеленому. Сейчас ее волосы были разноцветными. «В этом – вся Мэвис, – подумала Ева, с глупой улыбкой глядя на экран. – Господи, вы только посмотрите на нее!»

Да, большой путь прошла ее лучшая подруга! Когда-то она была уличным воришкой и зарабатывала на хлеб «карманной тягой». Собственно, тогда они и познакомились – Ева поймала ее с поличным. Затем Мэвис стала петь и танцевать в третьеразрядных клубах, а вот теперь – пожалуйста, звезда первой величины!

Ева протянула руку к трубке, намереваясь позвонить подруге и рассказать о том, что у нее сейчас перед глазами, но в этот момент зазвонил ее телефон.

– Слушаю, – сказала Ева.

Светофор уже давно переключился на зеленый свет, а она все не трогалась с места, замороженно глядя на экран. Сзади слышались нетерпеливые гудки других водителей.

– Здравствуй, Даллас.

– Уэбстер?

Ева непроизвольно напряглась. Она была хорошо – даже слишком хорошо! – знакома с Доном Уэбстером. Но какой полицейский не напряжется, когда ему звонит офицер из отдела внутренних расследований – «гестапо», как называли его между собой копы?

– Почему ты звонишь мне по личному номеру? Инструкции требуют, чтобы ваша служба связывалась с нами по официальным каналам.

– У тебя найдется несколько минут? Мне нужно с тобой поговорить.

– Ты и так со мной говоришь. В чем дело?

– Нет, этот разговор не телефонный. Мы должны увидеться.

– Зачем?

– Всего десять минут, Даллас!

– Я уже еду домой. Позвони мне завтра.

– Всего десять минут! – твердо повторил он. – Встретимся в парке, прямо рядом с твоим домом.

– Это как-то связано с отделом внутренних расследований?

– Узнаешь. Я у тебя на хвосте.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Ева убедилась, что Уэбстер говорил не в переносном, а в буквальном смысле – его машина действительно двигалась сзади, – и почувствовала себя еще более неудобно. Она не стала останавливаться у ворот своего дома, а проехала еще пару кварталов и, найдя единственное свободное место у тротуара, ловко припарковала машину. Ее не удивило то, что Уэбстер не стал утруждать себя поиском места для парковки, а просто бросил автомобиль посередине улицы, проигнорировав возмущенные взгляды элегантной супружеской четы, которая выгуливала на лужайке трех изысканных афганских борзых. Он поставил на приборный щиток включенную полицейскую мигалку, вышел из машины и направился к Еве.

Обаятельная улыбка Уэбстера неизменно помогала ему в общении с женщинами, и он это прекрасно знал. Вот и сейчас, изобразив самую благожелательную улыбку, он радушно приветствовал Еву. Лицо у него было худым и угловатым – эдакий ученый муж, только без очков и бархатной шапочки. Курчавые волосы

были коротко острижены.

– В неплохом местечке ты поселилась, Даллас. И соседи у тебя такие, что перед ними прямо хочется пасть ниц.

– Да, веселые ребята. Мы часто устраиваем вечеринки с плясками на столе в голом виде. Что тебе нужно, Уэбстер?

– Скажи сначала, как ты поживаешь? – Уэбстер неторопливо направился к зеленой лужайке; растущие вокруг нее деревья весна уже тронула своим дыханием.

С трудом подавив раздражение, Ева сунула руки в карманы и последовала за ним.

– Прекрасно. А ты?

– Не жалуюсь. Чудесный вечер! Тебе нравится весна в Нью-Йорке?

– А что ты думаешь о последней игре «Янки»? Ну, теперь, когда мы так мило побеседовали, я все же хотела бы узнать, что тебе от меня нужно.

– Ты всегда была неразговорчива, Даллас. – Он вспомнил тот единственный раз, когда ему удалось затащить Еву в постель. Она и тогда произнесла не больше десятка слов. – Может, поищем лавочку? Вечер-то действительно чудесный!

– Я не хочу искать лавочку. Я не хочу хот-дог и не желаю беседовать о погоде. Я хочу домой. И если тебе нечего мне сказать, я пошла.

Она развернулась и сделала несколько шагов.

– Ты ведешь дело об убийстве Коли, верно? – слышалось за ее спиной.

Ева обернулась.

– Да, а что? – В мозгу Евы раздался тревожный звоночек. – Какое отношение это имеет к отделу внутренних расследований?

– Я не сказал, что оно имеет к нам какое-то отношение, но, когда погибает полицейский, мы всегда проверяем сопряженные с этим факты.

– Рутинная проверка не предполагает личных встреч в нерабочее время с лицом, ведущим расследование, – отчеканила Ева и, подойдя к собеседнику, посмотрела ему прямо в глаза. – Итак, Уэбстер, почему отдел внутренних расследований сует нос в дело, которое я веду?

– Видишь ли, я ознакомился с предварительным отчетом. Жуткое убийство. Это трагедия не только для его семьи, но и для всех нас.

Ева постепенно начинала понимать, что происходит.

– Ты знал Коли?

– Не совсем. Большинство детективов шарахаются от нашего отдела, как черт от ладана. Вот ведь как интересно получается: когда речь заходит о продажных полицейских, все негодуют и требуют призвать их к ответу, но в то же время чураются тех, кто выводит этих самых продажных копов на чистую воду.

– Ты хочешь сказать, что Коли был продажным полицейским?

– Ничего такого я не говорю. Но даже если бы в отношении его велось следствие, я бы не имел права обсуждать с тобой эту тему.

– Бред собачий, Уэбстер! У меня на руках – убитый коп, и, если он был в чем-то замешан, я должна это знать.

– Повторяю, я не имею права обсуждать с тобой работу отдела внутренних расследований. Но я узнал, что ты заинтересовалась финансовыми делами Коли и даже получила ордер на доступ к этой информации.

Ева чувствовала, что вот-вот взорвется, и немного помолчала, пытаясь взять себя в руки.

– Я не имею права обсуждать с тобой работу отдела по расследованию убийств, – наконец сказала она. – Тем более что я не понимаю, чем могло следствие, которое я веду, заинтересовать ваш крысиный отдел.

– Ну вот, теперь ты пытаешься меня оскорбить, – развел руками Уэбстер, оставаясь при этом совершенно спокойным. – А ведь я просто хотел намекнуть тебе – неофициально, по-дружески, – что наше Управление только выиграет, если это дело будет закрыто как можно быстрее и без шума.

– Ты хочешь сказать, что Коли был связан с Рикером?

На сей раз самообладание отказало Уэбстеру. Его лицо напряглось, взгляд стал настороженным, но голос остался таким же ровным, как и прежде:

– Не понимаю, о чем ты, Даллас. Но тебе следует знать, что копаться в финансовых делах детектива Коли – совершенно напрасный труд. Ты не найдешь там ничего интересного, но зато огорчишь его близких. И вообще, я не понимаю, почему вокруг дела Коли подняли такую шумиху. В конце концов, этот человек погиб не при исполнении служебных обязанностей.

– Этого человека забили до смерти! Он был полицейским! У него осталась вдова! Двое детей потеряли отца! И ты считаешь, что при этом важен тот факт, что он погиб не при исполнении служебных обязанностей?

– Нет. – У Уэбстера хватило такта, чтобы смутиться и отвести глаза в сторону. – Просто это действительно так.

– Не учи меня работать, Уэбстер! Никогда больше не вздумай указывать мне, как я должна вести расследование убийства! Если ты перестал быть полицейским, то я – нет.

Ева снова развернулась, намереваясь направиться к машине, но Уэбстер поймал ее за руку и повернул к себе, хотя и знал, какая буря может разразиться вслед за этим. Однако глаза Евы, к его удивлению, были пусты и холодны.

– Отпусти мою руку. Сейчас же, – мертвым голосом проговорила она.

Уэбстер повиновался и сунул руку в карман, словно обжегшись.

– Я хотел сказать тебе только одно: наш отдел считает, что это дело должно быть закрыто без всякого шума.

– А почему вы думаете, что мне есть какое-то дело до пожеланий вашего поганого отдела? Если хотите сообщить мне что-то в связи с расследованием убийства детектива Таджа Коли, сделайте это официальным путем. И не ходи больше за мной по пятам, Уэбстер. Никогда.

Ева села в машину, дождалась просвета в потоке автомобилей и отъехала от тротуара. Уэбстер смотрел ей вслед. Он видел, как Ева развернулась и вскоре въехала в ворота своего дома. «Ворота нового мира, в котором она теперь живет», – подумал Уэбстер. Он сделал несколько глубоких выдохов, а когда это не помогло, изо всех сил пнул ногой покрышку своего автомобиля.

Уэбстеру было ненавистно то, что ему приходилось делать, а еще более ненавистно сознание того, что ему никогда не одержать над ней верх.

3

Ева медленно ехала по подъездной аллее к внушительному особняку – их с Рорком дому. Внутри у нее все кипело. «Что за чертова работа! – думала она. – Нигде от нее нет спасения – даже на пороге собственного дома! А что касается Уэбстера, то он явно сказал далеко не все. Умолчал о чем-то важном, что напрямую связано с отделом внутренних расследований».

Необходимо было взять себя в руки и успокоиться. Уж слишком она разозлилась на Уэбстера за то, что он посмел ей указывать. А сейчас очень важно понять, что же он пытался ей сказать, на что намекал. И еще важнее – вычислить то, что он оставил за скобками.

По своему обыкновению и чтобы позлить Соммерсета – старого дворецкого Рорка, Ева бросила машину прямо перед подъездом, взяла с сиденья свою сумку с папками и уже поднялась до середины крыльца, как вдруг замерла на месте.

Постояв пару секунд, Ева с силой вытолкнула воздух из груди, решительно повернулась и села на ступеньку.

«Пора попробовать что-нибудь новенькое, – решила она. – Например, спокойно посидеть на крыльце, наслаждаясь замечательным весенним вечером, полюбоваться на деревья и кусты вокруг лужайки и прозрачное высокое небо».

Ева жила здесь уже больше года, но редко, очень редко находила возможность как следует рассмотреть все это великолепие. Дом представлял собой грандиозное сооружение с башнями, башенками, галереями, балконами и огромным количеством сияющих стеклом окон самой разной формы – стрельчатых, круглых, обычных. Это был подлинный гимн изысканному вкусу, богатству и стильному комфорту. Бесчисленные комнаты ломились от старинной мебели, фарфора, произведений искусства, здесь были предусмотрены все мыслимые удобства, о которых только можно мечтать.

А вот сад, наоборот, был предназначен специально для человека, который хоть и привык к роскоши, но при этом в состоянии оценить прелесть самого обычного цветка, выросшего из случайно занесенного ветром семечка. Рорк высадил в саду деревья, которые, несомненно, переживут их с Евой, и кусты, которые быстро разрастались. А вокруг – по периметру – протянулись высокие каменные стены; железные ворота с мудреной системой охраны защищали этот островок спокойствия от бесцеремонной назойливости огромного города.

Однако город все равно был здесь, рядом, как злая голодная собака, которая рыщет вокруг и вынюхивает, чем бы поживиться. Ева подумала, что в этом, наверное, частично заключается двойственность природы Рорка – да, пожалуй, и ее собственной.

Рорк вырос в трущобах Дублина и боролся за выживание любыми доступными способами. Детство Евы тоже было изуродовано, и жуткие воспоминания о нем преследовали ее даже теперь, когда она превратилась во взрослую и самостоятельную женщину. Рорк отгородился от своего прошлого богатством и властью, которую оно дает, Ева – своим полицейским жетоном. И они оба были готовы на все, чтобы только это прошлое их не настигло. Иногда Еве казалось чудом, что, несмотря ни на что, им удалось остаться нормальными людьми и даже создать семью.

Как бы то ни было, сейчас Ева сидела на ступеньках крыльца, любовалась распускающейся листвой, пытаясь вытравить из сердца всю гадость, которая накопилась там за день, и ждала мужа.

Наконец она увидела, как в медленно раздвинувшиеся ворота въехал длинный черный лимузин и бесшумно двинулся к дому. Задняя дверца открылась, и оттуда вышел Рорк. Они с шофером обменялись несколькими словами, и машина отъехала, а Рорк направился к дому, не сводя глаз с жены.

Никто и никогда не смотрел на Еву так, как он. Его взгляд словно говорил: ты для меня одна на этом свете, и больше никого не существует. И сколько бы раз Ева ни ловила на себе этот долгий пристальный взгляд, ее сердце неизменно начинало биться в учащенном ритме.

Рорк уселся возле Евы, поставив свой кейс рядом, и широко расставил ноги.

- Привет! - сказала она.

- Привет! Хороший вечер.

- Да, и цветы красивые.

- Ага. Весеннее обновление. Звучит банально, но весьма точно, как и любое клише. - Он провел рукой по волосам. - Что делаешь?

- Ничего.

- Вижу, потому и спрашиваю. Это на тебя не похоже, дорогая Ева.

- Считай, что это что-то вроде эксперимента. - Ева закинула ногу на ногу. - Пытаюсь понять, смогу ли я бросить работу в Управлении.

- Ну и как, получается?

- Пока - нет. - Она откинула голову и закрыла глаза. - У меня было такое хорошее настроение, когда я ехала домой! Представляешь, я увидела на уличном экране рекламный клип Мэвис.

- Да, весьма впечатляюще.

- Ты знал? А почему не сказал мне?

- Его только сегодня выпустили на экраны. Я был уверен, что ты увидишь его, возвращаясь домой, и решил: пусть это будет для тебя сюрпризом.

- Так оно и вышло. - Вспомнив разноцветные косички Мэвис, Ева улыбнулась: - Я так обалдела, что чуть не сшибла лоток с хот-догами, а потом сидела и глупо улыбалась. Хотела ей позвонить, но тут меня вызвали.

- Опять работа помешала личной жизни?

- Вроде того. Это был Уэбстер. - Поскольку глаза Евы были закрыты, она не заметила, как напрягся Рорк при упоминании этого имени. - Дон Уэбстер из отдела внутренних расследований.

- Я помню, кто это такой. Что ему было нужно?

- Хотела бы я сама это понять! Он позвонил по моему частному номеру и попросил о беседе.

- Вот как? - Голос Рорка звучал подозрительно мягко.

- Оказывается, он ехал за мной от самого Управления. Мы встретились здесь, недалеко от дома. Сначала он изображал собой самую любезность, а потом стал приставать ко мне по поводу Коли. - При воспоминании об этом кровь в жилах Евы вновь закипела. - Говорил, что его отдел хотел бы похоронить это расследование, возражал против того, чтобы я копалась в финансовых делах убитого... И при этом постоянно подчеркивал, что говорит со мной доверительно, как друг.

- И ты ему веришь?

- Нет, конечно! Но я не могу понять, какую цель он преследует. И еще мне не нравится, что отдел внутренних расследований тянется своими липкими

щупальцами к расследованию, которое поручено мне.

– У этого человека может существовать и личный интерес к тебе, – холодно заметил Рорк.

– У Уэбстера? – Ева открыла глаза и удивленно взглянула на мужа. – Ничего подобного! Мы с ним действительно однажды ночью выпустили пар, но это было в первый и последний раз. К тому же с тех пор прошло почти десять лет. Все давно позади!

«Для тебя, может, и позади, но только не для меня!» – подумал Рорк, однако вслух ничего не сказал.

– Как бы то ни было, я не могу понять, чем они так обеспокоены – убийством Коли или его возможной связью с Рикером...

– С Максом Рикером?

– Да. – Глаза Ева сузились. – Ты его знаешь? Черт, мне следовало догадаться раньше!

– Ну-у... мы с ним встречались. А каким образом они с Коли были связаны?

– Примерно полгода назад Коли входил в команду, которая вела дело Рикера; правда, был на вторых ролях. Рикеру удалось ускользнуть от суда, но это, должно быть, стоило ему немалых денег. Не исключено, что значительная часть их пошла на подкуп некоторых копов.

– Судя по тому, что я наблюдал сегодня утром в «Чистилище», Рикер к этому не причастен. Не его стиль!

– Да он, я полагаю, и не собирался оставлять там свою визитную карточку.

Несколько мгновений Рорк молчал.

– Понятно, – наконец вымолвил он. – Ты хочешь знать, имел ли я когда-нибудь дела с Рикером?

– Я тебя об этом не спрашивала.

– Но хотела спросить. – Рорк приподнял голову жены за подбородок и запечатлел на ее губах легкий поцелуй. – Пойдем в сад, прогуляемся.

– Пожалуй, на сегодня хватит экспериментов, – улыбнулась Ева. – Я взяла домой работу, и мне пора ею заняться.

– Тебе будет работаться гораздо легче, если мы проясним этот вопрос.

Рорк взял жену за руку и неторопливо пошел по направлению к лужайке. Ветер сорвал с деревьев несколько первых соцветий, и теперь они лежали на зеленом травяном ковре, как снежинки, забывшие растаять. На изумрудном покрывале росли цветы, назвать которые Ева бы не смогла, поскольку была сугубо городским человеком, – темно-фиолетовые бархатные кляксы и мерцающие белые звезды. Дневной свет медленно умирал, уступая место закатным краскам, и воздух, свежая с каждой минутой, наполнялся ароматами весеннего цветения. Однако, вдыхая эти запахи, Ева продолжала ощущать зловонное и жадное дыхание огромного города, который рыскал вокруг их оазиса в поисках поживы.

Рорк нагнулся, сорвал тюльпан и протянул его Еве.

– Я не виделся с Максом Рикером и не имел с ним никаких дел на протяжении многих лет, – заговорил он. – Но, признаюсь, было время, когда мы с ним на пару проворачивали кое-какие делишки.

– Что за делишки?

Рорк остановился, взял Еву за подбородок и, приподняв ее голову, посмотрел ей в глаза. В них было смятение.

– Для начала давай проясним одну очень важную вещь. Даже такой, как я... Такой, скажем, испорченный человек, как я, обязательно имеет ряд определенных табу. Одним из них является заказное убийство. Я никогда и никого не убивал за деньги, Ева. Только если мне приходилось защищать свою жизнь – или собственные интересы.

Ева кивнула, словно ослепнув.

- Понятно, - буркнула она. - Давай не будем об этом говорить. По крайней мере, сейчас...

- Как скажешь.

Однако Ева понимала: прятать голову в песок уже поздно - она и так успела узнать слишком многое. Оставалось одно - выяснить у Рорка всю его подноготную.

- Ты торговал наркотиками?

Рорк сознавал, что не имеет права лукавить и тем более лгать.

- Должен признаться, в начале моей... гм... трудовой деятельности бывало и такое. Я тогда был не очень разборчив в средствах. Да, время от времени я толкал наркотики и на этой почве иногда пересекался с Рикером и его шайкой. Последний раз я имел с ним дело... Господи, это было больше десяти лет назад! Мне тогда было наплевать, чем он занимается, а потом я достиг рубежа, за которым Рикер оказался мне не нужен. Я уже мог позволить себе роскошь не иметь дело с людьми, которые мне не нравятся.

- Понятно...

- Ева! - Рорк положил руки на плечи жены и посмотрел ей прямо в глаза. - Ты же знаешь: к тому времени, когда мы с тобой встретились, я уже практически бросил все незаконные дела. Я давно принял это решение. А после встречи с тобой я вообще отказался от сомнительных операций, поскольку понимал, что для тебя это неприемлемо.

- Не стоит об этом говорить. Я действительно все это знаю.

- Стоит! Причем именно сейчас! Ради тебя я готов на все, но есть одна вещь, сделать которую не в моих силах. Я не могу изменить свое прошлое.

Ева посмотрела на тюльпан – идеальный по форме и невинный, словно младенец, а потом подняла глаза на Рорка. Его нельзя было назвать невинным, но для нее – видит бог! – он был идеальным.

– Не нужно ничего менять, – сказала она, положив руки ему на плечи. – Нам и так хорошо.

* * *

За ужином они тщательно избегали любых тем, связанных с его или ее работой, а потом Ева уединилась в своем кабинете и принялась изучать информацию о финансовых делах Таджа и Пэтси Коли. Она рассматривала ее под разными углами, выпила три чашки кофе, сделала некоторые умозаключения, а затем встала и отправилась к Рорку. Постучав в дверь, она вошла, не дожидаясь разрешения.

Рорк сидел за письменным столом и разговаривал по телефону. Он говорил по «громкой связи», не поднимая трубки, поэтому Еве было несложно сообразить, что его собеседник находился в Токио. Увидев жену, Рорк жестом велел ей подождать.

– Нет, Фуми-сан, к великому моему сожалению, условия, которые вы предлагаете, меня не устраивают.

– Эти условия – предварительные и, естественно, подлежат дальнейшему обсуждению, – слышался из динамика голос с сильным акцентом. Он звучал сухо, даже немного неприязненно, однако холодный и спокойный тон Рорка производил более внушительное впечатление.

– В таком случае давайте обсудим этот вопрос, когда расчеты будут не «предварительными», как вы это называете, а реальными.

– Я почти за честь обсудить это с вами при личной встрече, Рорк-сан. И мне, и моим партнерам кажется, что такая деликатная тема не может являться предметом телефонных переговоров. Весна в Токио изумительна! Может быть, вы найдете возможность посетить наш город в ближайшее время? За наш счет, разумеется.

– Я был бы счастлив согласиться на ваше чрезвычайно заманчивое предложение, однако, учитывая мою теперешнюю занятость, это, к сожалению, невозможно. Однако я с радостью приму вас и ваших партнеров здесь, в Нью-Йорке. Если вас устраивает такой вариант, свяжитесь с моим управляющим. Он будет рад решить любые проблемы, связанные с вашей поездкой.

На другом конце линии на некоторое время воцарилось молчание.

– Благодарю вас за любезное приглашение. Я посоветуюсь со своими компаньонами, а затем свяжусь с вами через вашего управляющего.

– Буду ждать этого с нетерпением. Всего наилучшего, Фуми-сан!

Рорк выключил телефон.

– Что ты покупаешь на этот раз? – поинтересовалась Ева.

– Пока еще не покупаю, но веду переговоры. Как бы ты отнеслась к тому, чтобы стать хозяйкой японской бейсбольной команды?

– Мне нравится бейсбол, – немного подумав, ответила Ева.

– Ну вот и прекрасно. Итак, лейтенант, чем я могу вам помочь?

– Мне не к спеху. Если ты очень занят приобретением... черт побери, бейсбольной команды! – я могу и подождать.

– Я же сказал, что еще ничего не приобретаю – по крайней мере, до тех пор, пока не закончены переговоры. – В его глазах вспыхнул волчий огонек. – Причем на моих условиях!

– Ладно, тогда – первый вопрос. Как бы ты себя вел, если бы я раз и навсегда отказалась говорить с тобой о своей работе?

– Отшлепал бы тебя. – Ева рассмеялась, а Рорк встал из-за стола. – Надеюсь, что этот вопрос – риторический и такого никогда не случится, и все же мне хотелось

бы знать, почему ты его задаешь.

– Я очень боюсь быть отшлепанной, поэтому сформулирую вопрос иначе. Возможна ли такая ситуация: живут вместе два человека – муж и жена, любят друг друга, имеют детей, но она и понятия не имеет, чем он занимается в рабочее время? – Увидев, как брови Рорка удивленно взметнулись вверх, Ева выругалась: – Дьявол! Наверное, тебе этого не понять. Ты в рабочее время чем только не занимаешься: покупаешь все, до чего можешь дотянуться, производишь все товары, которые только известны человечеству... Сейчас, например, пытаешься заграбастать японскую бейсбольную команду. Я бы при всем желании не могла уследить за твоей разнообразной деятельностью.

– Господи, Ева, да моя жизнь – это открытая книга! – Рорк обошел вокруг письменного стола. – Однако, возвращаясь к твоему вопросу, могу ответить: да. Я считаю вполне возможным, что два человека, живущие вместе, могут ничего не знать о том, чем каждый из них занимается вне дома и какие интересы у него существуют на стороне. Допустим, я люблю удить рыбу...

– Удить рыбу?

– Я сказал «допустим». Это всего лишь пример. Предположим, рыбалка – моя страсть, и каждые выходные я отправляюсь в Монтану, чтобы ловить рыбу на сушеную муху. Будешь ли ты, зная эту мою привычку, каждый раз после моего возвращения расспрашивать меня о том, как прошла рыбалка?

– Рыбалка... – эхом повторила Ева, и Рорк рассмеялся.

– Вижу, ты поняла, что я имею в виду. А теперь скажи, почему ты об этом спросила?

– Хочу составить для себя представление о семье Коли, понять, что это за люди. Но главное, пытаюсь избежать порки, спешу поделиться с тобой своими служебными тайнами. Тут я тебя наверняка положу на лопатки. Хочешь мне помочь?

– Разумеется, только с одной поправкой: на лопатки ты меня положить не сможешь.

– Не только смогу, а уже положила.

– Потому что жульничаешь, – шутливо огрызнулся Рорк и прошел вслед за женой в ее кабинет.

Ева вывела на экран монитора финансовую информацию семьи Коли; Рорк уселся на угол стола и, склонив голову набок, стал ее просматривать. Цифры были воздухом, без которого этот человек не мог жить, и он ориентировался в них, как опытный следопыт в непроходимом лесу.

– Ну, что я могу тебе сказать... – заговорил Рорк через пару минут. – Типичная семья, принадлежащая к среднему классу. Квартплата у них умеренная, вносят они ее в срок, машину арендуют. Правда, плата за место в подземном гараже немного завышена, но это, возможно, из-за жадности хозяев дома. Расходы на одежду, еду, развлечения невысоки, они, видимо, ограничивали себя. Налоги платили исправно. На банковский счет два раза в месяц поступали вклады, сумма которых вполне соответствует доходам семьи. По крайней мере, обвинить Коли в том, что они жили не по средствам, невозможно.

– Да, невозможно. Но вот что странно: ни сам Коли, ни его жена не имели собственных машин и предпочитали пользоваться арендованными.

– Да? – Рорк наморщил лоб и снова уставился на экран монитора. – Ну что ж, учитывая, что их месячный доход составлял менее четырех тысяч долларов, в этом нет ничего удивительного.

– Сколько? – опешила Ева. – Четыре тысячи? – Прищурившись, она вглядывалась в цифры, сменявшие друг друга на экране. – Посмотри сюда! Графа «Инвестиции». Они вкладывали деньги в накопительный фонд на будущее образование детей, в пенсионный фонд... – Ева перелистнула электронную страницу и почти тут же услышала, как ахнул Рорк за ее спиной.

– Гляди-ка! Ребята, видимо, всерьез заботились о своем завтрашнем дне! За последние пять месяцев в банк положено пятьсот тысяч долларов, причем, как следует из записей, они заработаны вполне законно. Я хочу сказать, что на бумаге, то есть на экране, все выглядит очень гладко. Однако, будь я на месте Коли, я проявил бы большую изобретательность в придумывании источников дохода. Ему следовало нанять консультанта по биржевым операциям!

– У него не было необходимости в консультанте по биржевым операциям. Полицейский, который считает каждый цент, не может сколотить полмиллиона баксов, даже играя на бирже. Такие деньги могут быть только у продажного копа! – В груди у Евы заняло. – Значит, он был прикормленным полицейским. Вопрос только в том – кто ему платил и за какие услуги!

Рорк продолжал листать электронные странички.

– Депозиты, номера счетов... – бормотал он. – Эта информация была спрятана, но не особенно глубоко. Тщательная проверка выявила бы все это в два счета. Довольно нагло с его стороны.

Ева вскочила с кресла и стала метаться по кабинету.

– Довольно нагло... – эхом повторила она. – Не думаю, что Коли был дураком. Скорее всего, он просто был слишком уверен в себе! Уверен в том, что его никто не станет проверять!

– Ты права, – согласился Рорк. – Если бы Коли не кокнули, никому и в голову не пришло бы совать нос в его финансовые дела. Его образ жизни не был вызывающим, он не швырялся деньгами и жил в рамках своего официального заработка.

– Вот именно! – кипела Ева. – Выполнял свою работу, хотя не хватал звезд с неба. По вечерам возвращался к своей ненаглядной женошке и чудесным детишкам, а на следующее утро просыпался, и все опять шло своим чередом. Он ни разу не засветился. Обычный полицейский, на которого никто не обращает особого внимания, похожий на тысячи других. Хороший, дружелюбный парень. И все же отдел внутренних расследований почему-то вел за ним наблюдение!

Ева резко остановилась посередине комнаты.

– Они следили за ним, а значит, им известно, что Коли продан! Но они не хотят, чтобы это выплыло наружу. Насколько мне известно, у парней из отдела внутренних расследований вместо сердца – большой холодный булыжник, так что нелепо предполагать, будто они оберегают чувства безутешной вдовы. Так кто кому прикрывает задницу?

– Возможно, всему этому есть довольно простое объяснение, – предположил Рорк. – Допустим, они вели расследование в отношении Коли; потом его убили, и оно потеряло смысл. И теперь это они решили похоронить дело Коли, чтобы не привлекать внимания общественности.

– Может, и так. Я, по крайней мере, не буду сбрасывать со счетов такую возможность. – У Евы перехватило горло. – Однако, как бы то ни было, у меня на руках – убитый полицейский. Продажный или нет – это другой вопрос, но он – полицейский. И это расследование веду я!

Ева помолчала, а затем словно рубанула:

– Вот что! Я хочу поговорить с Максом Рикером!

– Лейтенант! – Рорк встал позади жены, положил руки на ее плечи и принялся их массировать. – Я очень высоко ценю ваши профессиональные способности, ваш интеллект и вашу интуицию. Но Рикер – чрезвычайно опасный человек, особенно когда речь идет о женщинах. Вы непременно покажетесь ему привлекательной во многих отношениях – в частности, его наверняка заинтересует то обстоятельство, что вы в некотором смысле... гм... связаны со мной.

– Правда? – Ева повернулась к Рорку: – Почему же?

– Дело в том, что мы с ним разорвали наши деловые отношения... не слишком мирно.

– Вот и замечательно! Я попробую использовать и этот факт. Надеюсь, мое обращение и в самом деле заинтересует его, а это поможет мне прорваться через бастион его адвокатов и договориться о встрече с ним самим.

– В таком случае позволь мне самому организовать вашу встречу.

– Нет!

– Ева, остынь и подумай! Я смогу это устроить гораздо быстрее и эффективнее.

– Только не сейчас и не таким образом. Ты действительно не можешь изменить свое прошлое, а Рикер – часть твоего прошлого. Но не настоящего!

– Он скорее является частью твоего настоящего.

– Совершенно верно. Вот пусть так и остается! Если Рикер причастен к убийству, ты с твоей бульдожьей хваткой, вероятно, выяснишь это скорее, нежели я. Но дело в другом. Каким бы полицейским ни был Коли – хорошим или плохим, – я должна за него отомстить. Поэтому лучше не спорь со мной: я назначу встречу с Рикером, когда настанет нужный момент.

– Ладно, я не стану с тобой спорить. Но давай договоримся так: прежде чем ты с ним встретишься, я произведу предварительную разведку. – «И сделаю все возможное, чтобы обезопасить тебя от Рикера!» – мысленно добавил Рорк.

– Валяй, разведывай, – уклончиво ответила Ева. – А пока расскажи мне все, что ты о нем знаешь.

Рорк подошел к бару и налил себе виски. Он явно нервничал.

– Ну, что тебе рассказать о Рикере? Прекрасные манеры, великолепное образование... Когда ему нужно, умеет быть обаятельным. Обладает колоссальным самомнением, обожает находиться в компании красивых женщин. Он вообще любит женщин, и, если они потакают ему, Рикер умеет быть щедрым. Но если ему идут наперекор... – Рорк отвернулся к окну и залпом выпил виски, – ...он может быть чрезвычайно жестоким. Точно так же Рикер ведет себя со своими компаньонами и подчиненными. Однажды я стал свидетелем того, как Рикер перерезал горло официанту за то, что тот опрокинул ему на брюки бокал с вином.

– Да, хорошие слуги нынче редкость...

– Основной бизнес Рикера – это широкомасштабное производство и распространение наркотиков, однако он также не брезгует торговлей оружием, заказными убийствами и сутенерством. Он с потрохами купил многих высокопоставленных чиновников, которые обеспечивают ему «крышу», так что через час после вашей встречи он будет знать о тебе все, что только возможно. Поверь, Ева, он будет знать даже то, о чем ты сама не хочешь вспоминать!

Ева почувствовала в груди неприятный холодок, но она не подала виду и кивнула:

– Я это как-нибудь переживу. У Рикера есть семья?

– У него был брат. Ходили слухи, что между ними произошел какой-то спор, и в результате братья вдрызг разругались. Так или иначе, брата этого больше никто и никогда не видел. Кроме того, у Рикера есть сын, Алекс, – примерно моего возраста или, возможно, на пару лет моложе. Я никогда с ним не встречался, поскольку по большей части он живет в Германии и, как говорят, его держат в полной изоляции от окружающего мира.

– У Рикера есть слабые места?

– Тщеславие, наглость и жадность. Однако до сих пор эти пороки не мешали ему оставаться безнаказанным. Правда, знающие люди говорят, что в последние годы у Рикера становится все хуже с головой, поэтому многие его дела начинают постепенно приходить в упадок. Вот на этой делянке я и намерен покопаться с особой тщательностью.

– Если он действительно причастен к убийству Коли, на сей раз ему не уйти от возмездия! Рикер окажется за решеткой даже в том случае, если он окончательно спятил. Как ты считаешь, он согласится со мной встретиться, если мне удастся на него выйти?

– Согласится – хотя бы из любопытства. Но если ты попытаешься припереть его к стенке, он тебе этого никогда не забудет. Рикер хладнокровен и терпелив. Чтобы поквитаться с тобой, он будет ждать и год, и два, и десять.

– Значит, если я решу припереть его к стенке, мне следует делать это решительно и не останавливаться на полпути! – подвела итог Ева.

А Рорк, мрачно глядя в окно, подумал: «Дело гораздо серьезнее. Если она объявит охоту на Рикера, Рикеру придется умереть». Рорк тоже обладал хладнокровием и умел ждать.

* * *

Ночью Рорк лежал без сна, вглядываясь в непроглядную тьму и прислушиваясь к дыханию Евы. Ему было известно множество вполне веских причин, которые могут толкнуть мужчину на убийство. Но не было среди них ни одной более весомой, чем стремление защитить ту, которую ты любишь.

4

Лейтенант Миллз позвонил в тот момент, когда Ева допивала вторую чашку кофе. Судя по тому, как он говорил, ему самому не помешала бы ударная доза кофеина: голос его был бесцветным и сонным:

- Даллас? Это Миллз. Вы меня искали?

- Совершенно верно. Я расследую убийство Коли.

- Ах да, черт! Хотел бы я посмотреть, как поджарят мерзавца, который это сделал! Что вам удалось выяснить?

- Да так, по мелочам. - Ей вовсе не хотелось посвящать в ход расследования человека, который то ли до сих пор не проснулся, то ли наглотался седативных таблеток, запрещенных Уголовным кодексом. - Я знаю, что в прошлом году вы и детектив Мартинес работали вместе с Коли. Вы тогда гонялись за Максом Рикером, припоминаете?

- Да-да. - Миллз, не скрываясь, зевнул в трубку, лязгнув зубами, и Ева услышала, как он поскреб ногтями щетину на щеке. - В этом участвовали Коли и еще дюжина полицейских. Но Рикер - хитрая сволочь! - все равно сумел выскользнуть из наших сетей. Вы полагаете, он имеет отношение к этому убийству?

- Я не исключаю такой возможности. Но в первую очередь мне хотелось бы получить максимально полное представление о Коли. Тогда, возможно, мне будет легче понять, кто его мог убить. Если вы сейчас не особенно заняты,

Миллз, может, вы могли бы захватить с собой детектива Мартинес и подъехать на место преступления? Я была бы крайне признательна вам за любую информацию!

- А я слышал, что расследование передают нашему отделу.

- Это не так, - сдержанно ответила Ева.

Ее ответ, похоже, пришелся Миллзу не по вкусу. В его голосе зазвучали более жесткие нотки:

- Коли был нашим парнем!

- А теперь он - мой. И поэтому я прошу вас о содействии. Или вы предоставите распутывать этот клубок мне одной?

- Хорошо, я в любом случае хотел бы взглянуть на место преступления. Когда мы сможем там встретиться?

- Чем скорее, тем лучше. Я буду в «Чистилище» через двадцать минут.

- А я попытаюсь дозвониться до Мартинес. Должно быть, у нее еще сиеста - ведь она мексиканка.

Он отключился, а Ева еще некоторое время слушала короткие гудки, прежде чем положить трубку.

- Да-а, Миллз, а ты, оказывается, засранец. Вот и пойдя тут угадай!

- Этот говнюк сделает все, чтобы тебя переиграть, - откликнулся Рорк. Он сидел рядом и листал утренние газеты, просматривая биржевые сводки.

- Это я уже поняла. - Ева проверила свой пистолет и застегнула наплечную кобуру.

«Точно так же другие женщины надевают по утрам серьги», – подумал Рорк, следя взглядом за женой. Он встал и ласково провел пальцем по ямочке на ее подбородке.

– Ну ничего, очень скоро он поймет, что заблуждался. Тебя никто не может переиграть, лейтенант!

Ева поправила кобуру и хмуро взглянула на Рорка.

– Это комплимент или оскорбление?

– Это результат жизненных наблюдений. Я, кстати, тоже хочу еще раз побывать на месте преступления, чтобы рассмотреть все как следует. Мне ведь еще предстоит выбивать из страховой компании возмещение ущерба.

«Ага, значит, дело только в страховой компании? – подумала Ева. – Как же!»

– Только не сегодня, дружок! Дай нам поработать в «Чистилище» еще один день, а с завтрашнего дня оно полностью в твоём распоряжении.

– В качестве владельца этого заведения и в соответствии с законом я имею полное право осмотреть его, чтобы оценить размер причиненного ущерба, – официальным тоном заявил Рорк.

– А я в качестве руководителя следственной группы имею полное право опечатать место преступления и не допускать туда посторонних до тех пор, пока не будут обнаружены и собраны все вещественные доказательства и улики.

– Сбор вещественных доказательств был завершен еще вчера, а место преступления – сфотографировано, снято на пленку и тщательно осмотрено. На этом этапе закон позволяет владельцу доступ на место преступления в сопровождении представителей полиции и страхового агента. С целью определения масштабов ущерба и стоимости восстановительных работ. Прошу вас, лейтенант, это – разъяснение моего адвоката по данному вопросу. – Рорк передал Еве страничку, которую предварительно вынул из кейса.

Ева повертела страничку в руках и бросила ее на стол, даже не читая.

– А кто теперь пытается доказать, что он круче? – пробормотала она. – Рорк, у меня сегодня просто нет времени возиться с тобой!

Усмехнувшись, Рорк подошел к стенному шкафу и из целого моря висевших там пиджаков выбрал один. Еву всегда удивляло, как он ориентируется в своем гардеробе, которого хватило бы на целый батальон модников.

– Хочешь ты этого или нет, но тебе придется найти для меня время, поскольку я еду с тобой. А когда я закончу свои дела в клубе, за мной заедет шофер.

– Значит, ты спланировал все это заранее? Еще вчера?

– Хм... – Рорк открыл стенной шкаф Евы и достал оттуда серый пиджак в пару к тем брюкам, которые были на ней. Он знал, что если бы Ева стала искать его сама, она копалась бы в шкафу битый час и в итоге все равно ничего не нашла. – Сегодня прохладно, – сказал он, протягивая жене пиджак.

– Думаешь, ты очень хитрый, да?

– Да. – Он нагнулся, поцеловал Еву и заботливо застегнул пуговицы на пиджаке. – Ты готова?

* * *

– Только не вступай в разговоры с другими полицейскими! – попросила Ева, когда они с Рорком подъехали к клубу.

– А о чем мне с ними говорить? – пожал он плечами, не отрывая глаз от экрана своего карманного компьютера.

– И никуда не ходи, если только рядом с тобой не будет меня или Пибоди, – продолжала свои наставления Ева. – И ничего не трогай. Ни-че-го!

– Тебя не интересует маленький летний домик в Джуно, на Аляске? – Рорк поднял глаза на жену и встретился со взглядом взбешенной пумы. – Н-да, судя по всему, не интересует. Меня, впрочем, тоже. Ах, мы уже приехали? – Он сунул

компьютер в карман. – И, по всей видимости, мы – первые.

– Хватит паясничать, Рорк!

– Хорошо, не буду. К счастью, я оставил свой красный резиновый нос и рыжий парик в офисе, а без них какая может быть работа! – Рорк вылез из машины. – Можно мне открыть? – Он кивнул на дверь клуба, опечатанную полицейской печатью.

– Кончай дурить! – Стараясь не злиться, Ева выбралась из машины, подошла к двери и сорвала печать. – Если будешь продолжать в том же духе, я вызову парочку дюжих патрульных, и они вытолкают тебя вшаей, обещаю!

– Ах, дорогая, как меня заводит, когда ты излучаешь грубую полицейскую силу...

– Заткнись, умник!

Ева рывком отворила дверь. Внутри царил полумрак; в воздухе неприятно пахло пролитым спиртным, высохшей кровью и химикатами, которыми уборщики пытались ее отчистить. Ева щелкнула выключателем, и холодный белый свет высветил безобразную картину разрушений.

– Гм, сегодня эта панорама выглядит не лучше, чем вчера, – заметил Рорк, почувствовав, как внутри его шевельнулась злость.

– Закрой дверь, – попросила Ева.

Она глубоко вздохнула, а затем сделала то, что получалось у нее лучше всего, – с головой погрузилась в совершенное здесь преступление. Оно, словно кинолента, начало медленно раскручиваться перед ее мысленным взором.

– Итак, убийца приходит сюда после закрытия, – словно под гипнозом заговорила Ева. – Он уже бывал тут раньше и хорошо здесь все знает, иначе не сумел бы уничтожить видеозаписи камер наблюдения. Возможно, он здесь работает. Но в таком случае – если он работал вчера, то наверняка ушел из клуба вместе с остальными. Никто не должен был знать, что он хочет остаться наедине с Коли.

По усыпанному обломками полу Ева прошла к стойке бара.

– Он усаживается за стойку и обычным, дружелюбным тоном просит налить ему что-нибудь выпить. У них с Коли, видимо, были какие-то дела, которые нужно было обсудить без посторонних.

– Почему в таком случае он не попросил Коли выключить камеры наблюдения? – спросил Рорк.

– Очевидно, в самом факте этого разговора не было ничего подозрительного, и он не хотел, чтобы Коли насторожился. Кроме того, убийца знал, что займется камерами потом. А пока дружеский разговор за кружкой пива.

Ничто не должно насторожить полицейское чутье Коли, если, конечно, оно у него было. Коли стоит за стойкой и спокойно грызет орешки. Он знает этого человека. Они выпивают уже не в первый раз.

Ева подняла голову и посмотрела на укрепленные под потолком видеокамеры.

– Коли тоже не беспокоится по поводу камер. Следовательно, они либо не собирались говорить ни о чем предосудительном, либо он выключил их заблаговременно. Как бы то ни было, преступник сидит и размышляет над тем, как ему лучше сделать то, ради чего он сюда пришел. Он встает, заходит за стойку – очевидно, сделав вид, что хочет сам налить себе очередную порцию.

Повторяя воображаемые действия убийцы, Ева обогнула стойку и встала за ней. Перед ее мысленным взором возник живой Коли, большой, сильный мужчина в клубной униформе – черной рубашке и черных слаксах. Стоит себе, потягивает пиво, щелкает орешки.

– В голову убийце ударяет кровь, сердце начинает колотиться, как барабан, но он не подает виду. Может быть, отпускает какую-то шуточку и просит Коли дать ему что-нибудь – только для того, чтобы тот хоть на мгновение повернулся к нему спиной. Чтобы схватить биту и нанести удар, много времени не нужно.

«Секунда, всего одна секунда нужна, чтобы ухватиться за ручку биты, рвануть ее на себя и размахнуться!» – думала Ева.

– Первый удар битой приходится по затылку. Брызжет кровь. Коли швыряет вперед, и он врезается лицом в стекло. Зеркало разбивается вдребезги, разлетаются бутылки. Это как взрыв.

Глаза Евы были пустыми, устремленными в какой-то недоступный для других мир.

– Как взрыв, – повторила она. – В голове у убийцы шумит, в кровь выбрасывается адреналин. Он уже перешел рубеж, и обратной дороги нет. Он снова размахивается и наносит еще один удар – на сей раз в лицо. Ему доставляет наслаждение видеть боль, ужас, недоумение, написанные на этом лице. Последним ударом он приканчивает жертву, голова которой раскалывается, выбрасывая фонтаны крови и мозга. Но ему и этого мало!

Ева подняла руки и сложила их, как сжимающий бейсбольную битку питчер, готовый отбить мяч.

– Он хочет уничтожить противника окончательно. Он бьет снова и снова, а звуки ломающихся костей и терзаемой плоти звучат в его ушах музыкой, вызывая в нем новые приступы злобы. Он смакует вкус крови, перед его глазами – разноцветные пятна. Наконец он перестает наносить удары. Ему нужно подумать. Он обыскивает тело, находит в кармане полицейское удостоверение и бросает его в лужу крови. Это – некий символ: полицейский жетон в крови. Потом убийца переворачивает тело жертвы так, чтобы жетон оказался под ним.

Ева замолчала и задумалась.

– Он и сам весь покрыт кровью: руки, одежда, обувь. Он приводит себя в порядок: в раковине бара были следы крови – это кровь Коли, а также частицы его мозга и кожи.

Ева повернула голову и посмотрела на мусорное ведро, стоящее под раковиной.

– Убийца умывается, труп лежит позади него. Он уже спокоен и холоден, как камень. Затем он вновь берется за битку и начинает крушить все вокруг себя. Вот тут он оттянулся на полную катушку! Устроил себе праздник души! Однако это не помешало ему в дальнейшем действовать взвешенно и методично. Он бросает битку возле тела Коли. Это что-то вроде постскриптума: вот чем и как я

это сделал! Затем он уничтожает видеозаписи камер наблюдения и удаляется.

– Знаете, что нужно для того, чтобы нарисовать такую картину, лейтенант? – заметил Рорк. – Мужество. Огромное мужество!

– Я делаю лишь то, что должна.

– Нет! – Рорк накрыл ладонью руку Евы и почувствовал, что она ледяная. – Ты делаешь куда больше!

– Не сбивай меня! – Ева вырвала руку. Ей действительно было холодно, и она чувствовала растерянность. – Как бы там ни было, это всего лишь теория.

– Похожая на реальность! Я будто своими глазами увидел, как все происходило. Полицейский жетон в луже крови... Если ты права и это действительно является каким-то знаком, то, возможно, Коли был убит именно потому, что он был полицейским.

– Да, я тоже постоянно возвращаюсь к этой мысли.

Послышался звук открывшейся двери. Ева с Рорком, не сговариваясь, повернули головы к входу.

Миллз оказался мужчиной внушительных размеров, обросшим жиром. Рядом с ним шла невысокая, стройная и, по всей видимости, весьма энергичная женщина. Ее кожа была оливкового цвета и наводила на мысль о жарких странах и тропических островах. Черные блестящие волосы были забраны в длинный конский хвост, а большие темные глаза излучали неукротимую энергию. Миллз рядом с ней выглядел толстым дворовым псом.

– Да, мне говорили, что место преступления выглядит ужасно. – Голос детектива Мартинес соответствовал ее экзотической внешности. – Но такого я, честно говоря, не ожидала! – Ее взгляд метнулся к Рорку, задержался на нем, а затем обратился на Еву: – Вы лейтенант Даллас?

– Совершенно верно. – Ева подошла к вошедшим. – Спасибо, что согласились приехать. Этот господин, – она кивнула в сторону Рорка, – является владельцем

клуба.

Не удостоив Рорка даже кивком, Миллз направился напрямиком к бару. Он двигался неуклюже, как перекормленный медведь.

– Стало быть, тут его и забили... Хреновая смерть!

– Любая смерть – хреновая, – откликнулась Мартинес и повернулась к открывшейся двери. Ее движения были резкими и нервными. Еве это не понравилось.

В клуб вошла Пибоди.

– Моя помощница, – представила ее Ева. – Сержант Пибоди, познакомьтесь: это – лейтенант Миллз и детектив Мартинес.

Ева подала Пибоди какой-то загадочный знак и направилась вслед за Мартинес к бару. Мгновенно поняв условный сигнал, Пибоди незаметно включила диктофон.

– Как давно вы были знакомы с Коли? – спросила Ева.

– Я? – вздернула брови Мартинес. – Примерно пару лет. Я перевелась в 128-й отдел из Бруклина. – Она окинула взглядом чудовищный беспорядок, царивший в помещении клуба. – Лейтенант знал его дольше.

– Да, с тех самых пор, когда он пришел к нам зеленым новичком, – пробурчал Миллз. – Начищенный, наглаженный, привыкший действовать строго по уставу. Он служил в армии и притащил с собой свои военные привычки. Еще тот работничек был! Хрен лишнюю минуту поработает.

– Побойся бога, Миллз! – пробормотала Мартинес. – Мы стоим на том месте, где пролилась кровь Коли, а ты его поносишь.

– Я говорю то, что есть, вот и все, – пробурчал в ответ Миллз. – Парень отрабатывал свою смену, и – фьюить! – его словно ветром сдувало. Его было невозможно заставить поторчать на службе лишнюю пару часов, если только это не было прямым приказом капитана. Но когда он работал, то работал хорошо,

врать не стану.

– Каким же образом он тогда попал в группу, которая разрабатывала Рикера?

– Мартинес его взяла. – Миллз заглянул за стойку бара и покачал головой.

– В оперативную группу его действительно привлекла я, – подтвердила детектив Мартинес. Она отодвинулась от Миллза, словно соседство лейтенанта было ей неприятно. «Плохи дела!» – подумала Ева. – Группу возглавлял лейтенант Миллз, а я была ведущим детективом. Коли был незаменим, когда дело касалось деталей. Он был невероятно дотошным, не упускал ни одной мелочи. Если ему поручали вести наружное наблюдение, можно было быть уверенным, что в конце дня получишь исчерпывающий рапорт обо всем, что он видел, – вплоть до окурка на тротуаре. Коли отличался замечательной наблюдательностью.

Мартинес, нахмурившись, посмотрела на бурое пятно засохшей крови.

– Если вы полагаете, что убийцу мог подослать Рикер, я думаю, вы ошибаетесь. Для этого нет оснований. Коли находился на заднем плане, он был типичной рабочей лошадкой. Да, он действительно принимал участие в операции против Рикера, но его функции заключались лишь в том, чтобы фиксировать детали. Если уж Рикер и решил бы кому-то отомстить, так это мне.

– Значит, говорите, Коли был незаменим, когда дело касалось деталей? – повторила Ева. – А ведь именно некоторые детали, если бы их довели до сведения Рикера, могли помочь ему отвертеться от обвинения и избежать суда... Как по-вашему?

В комнате повисла тишина. Мартинес и Миллз посмотрели друг на друга, а затем повернулись к Еве.

– Мне не нравятся слова, которые вылетают из вашего рта, Даллас! – злобно рявкнул Миллз, словно кто-то провел ножовкой по ржавому металлу.

Уголком глаза Ева заметила, что Рорк сдвинулся с места и – дьявольщина! – Пибоди тоже. Ева сделала шаг вперед, словно сторожевая собака, изготовившаяся к прыжку.

– Не понимаю, что вам так не понравилось. По-моему, вполне обычные слова.

– Обычные – для какого-нибудь бродяги или подонка, которому суждено закончить жизнь в мешке для трупов. Но не для полицейского! У Коли был такой же жетон, как у вас, как у меня. По какому праву вы намекаете на то, что он был продажным?!

– Я этого не говорила.

– Черта с два, не говорили! – Миллз ткнул пальцем в сторону Евы. – Вы намекаете на это самым откровенным образом, и если вы намерены двигаться этим путем, Даллас, то не получите от меня никакой помощи. Я же говорил, что это дело должен расследовать наш отдел, а не какая-то стерва из Управления полиции!

– Дело будет расследовать именно стерва из Управления полиции, и вам придется это проглотить, Миллз!

Мартинес прикусила губу, чтобы не улыбнуться, и Ева это заметила.

– Я должна была задать этот вопрос, и я его задала, но ответа пока не получила, – сказала она.

– Идите вы на хрен – вот мой ответ!

– Миллз, – проворковала Мартинес, – не кипятись.

– И ты иди туда же! – рявкнул лейтенант. Кулаки его были крепко сжаты, лицо побагровело. – Я всегда говорил, что бабы в нашем деле только мешают! Валяй, Мартинес, играй в эти игры, посмотрим, что у тебя получится! А мне противно иметь дело со сволочами, которые копают под своего же коллегу, неважно, какой он – хороший или плохой!

Сказав это, Миллз кинул на Еву злобный взгляд и вышел.

Мартинес кашлянула и склонила голову.

- Лейтенанту не очень нравится работать с женщинами и представителями этнических меньшинств, - сказала она.

- Неужели?

- Да, так что не принимайте его вспышку на свой счет. Видите ли, охоту на Рикера вела я, а Коли был мелкой сошкой. Как я уже сказала, его включили в оперативную группу именно по моей инициативе, поэтому мне тоже не очень по вкусу вопрос, который вы задали. Однако я понимаю, что вы не могли его не задать. Коли, возможно, не являлся трудоголиком, но он уважал свой полицейский жетон. Ему нравилось быть копом, защищающим закон и порядок. Я не могу поверить в то, что он брал взятки. Это просто не укладывается у меня в голове!

«Все зависит от того, как укладывать», - подумала Ева.

- Что подразумевал Миллз, когда сказал: «...Неважно, какой он - хороший или плохой»?

- Относительно Коли? - В глазах Мартинес блеснула искорка - то ли смеха, то ли гнева. - Он намекал на то, что Коли чернокожий. По мнению Миллза, хорошим полицейским может быть только белый мужчина традиционной сексуальной ориентации. В том, что касается личных пристрастий, Миллз - пламенный засранец.

После ухода Мартинес Ева повернулась к Пибоди:

- Ты все записала?

- Да, лейтенант.

- Сделай для меня копию, а оригинал спрячь в надежное место. И проведи, пожалуйста, Рорка по всему клубу, чтобы он смог составить свою чертову опись понесенного ущерба. В твоём распоряжении - пятнадцать минут, - обратилась она к мужу. - Затем выметайся вон, и я снова опечатаю клуб.

- А она хорошенькая, когда сердится, правда, Пибоди?

- Да, сэр, я давно это заметила.

- Осталось четырнадцать минут! - напомнила Ева. - Время пошло.

Рорк галантно отставил локоть, предложив Пибоди взять его под руку.

- Думаю, лучше начать с верхних этажей, - проворковал он.

Когда они удалились, Ева вынула из кармана сотовый телефон и набрала номер начальника отдела электронного сыска - лучшего детектива-компьютерщика из всех, кого она знала.

- Да, - слышался в трубке его усталый голос.

- Привет, Фини, это Даллас. Хочу попросить тебя об одной услуге. За мной не заржавеет!

- Если речь идет об убийстве копа, я не стану предъявлять тебе счет. Любой из моего отдела готов на все, чтобы только прищучить гада, который это сделал. Если какая-нибудь тварь считает, что может сотворить такое с копом и остаться безнаказанной, она крупно ошибается!

- Включи шифратор, Фини, мне нужно сказать тебе кое-что по секрету.

Фини недоуменно хмыкнул, но выполнил просьбу. В трубке сухо щелкнуло, и Ева поняла, что ее собеседник включил устройство, исключающее прослушивание их разговора.

- Ну, в чем дело? - спросил Фини.

- Дело хреновое, и вряд ли оно тебе понравится. Я хочу, чтобы ты проверил двух полицейских из 128-го отдела по борьбе с наркотиками: лейтенанта Алана Миллза и детектива Джулианну Мартинес.

- Ты права, мне это совершенно не нравится.

– Я хочу, чтобы ты провел проверку тихо, не привлекая внимания.

– В таком случае мне это не нравится вдвойне!

– Извини, что я обращаюсь к тебе с такой просьбой. Я могла бы сделать это и сама, но у тебя получится гораздо быстрее и незаметнее. Поверь, мне и самой все это не нравится, но для того чтобы осмотреть комнату, сначала нужно открыть дверь.

Фини понизил голос:

– Ты собираешься просто осмотреть комнату или ожидаешь найти в ней грязь?

– Я не могу тебе сейчас все рассказать. Тут слишком много всякого, и мне нужно это проверить. Сделай это для меня, Фини, прошу тебя! И чем скорее ты это сделаешь, тем лучше. А потом мы с тобой где-нибудь пересечемся, и я тебе все выложу.

– Миллза я знаю. Он – тот еще козел.

– У меня уже была возможность в этом убедиться.

– Но я не верю в то, что он продажный.

– В том-то и заключается проблема. Мы просто не хотим этого замечать!

Ева отключила телефон, развернула высокий табурет к стойке бара и, вынув из кармана блокнот, начала чертить схему. Посередине она нарисовала квадрат с именем Рикера, от него прочертила стрелки к двум другим – с именами лейтенанта Миллза и детектива Мартинес. Потом добавила имя лейтенанта Рот, а в нижнем правом углу вывела: «Уэбстер. Отдел внутренних расследований». «Неужели я буду вынуждена сталкиваться с ним в каждом деле, которое мне достается?» – с досадой подумала Ева, а затем, чтобы быть абсолютно честной, написала имя «Рорк» и соединила его квадратик с квадратиками Коли и Рикера. Она от всей души надеялась, что на штрихах, выведенных на бумаге, эта взаимосвязь и закончится.

«Наркотики, – царапала Ева в своем блокноте. – Полицейский жетон в луже крови. Изуверское убийство. Стриптизерши. Уничтожение видеозаписей камер наблюдения. Извращения? Секс? Деньги? Тридцать монет...»

Когда Рорк с Пибоди закончили обход здания и вернулись, Ева продолжала что-то черкать в своем блокноте.

– При чем тут монеты? – говорила она сама с собой. – Что это означает? Что он умер из-за денег? В таком случае как это увязывается с тем, что убийца пытался инсценировать ограбление? Или это еще какой-то символ? Кровавые деньги... И почему – именно тридцать?

– Тридцать сребреников Иуды, – услышала она голос Рорка и подняла на него отсутствующий взгляд. – Вы хорошо учились в полицейской академии, лейтенант, но плохо знаете Новый Завет. Иуда Искариот за предательство Иисуса получил именно тридцать сребреников.

– Тридцать сребреников... – У Евы что-то словно взорвалось в голове. Она вскочила на ноги. – Стало быть, Коли – Иуда? Но тогда кто же – Иисус? – Она в последний раз окинула взглядом изуродованный клуб. – Время вышло, – сказала она Рорку, – тебе пора вызывать своего шофера!

– Он уже должен быть здесь. – Рорк открыл дверь, пропуская жену вперед, а когда она вышла, нагнулся и поцеловал ее в губы. – Спасибо за помощь, лейтенант.

– Глядите-ка, он еще и целоваться умеет! – пропела Пибоди, провожая взглядом Рорка, который направлялся к ожидавшему его лимузину. – Похоже, у него это здорово получается!

– Только не мечтай о том, что когда-нибудь ты в этом убедишься!

– Я и не мечтаю. – Пибоди сложила губы в трубочку и ревниво посмотрела на Еву. – Но знаю одно: чтобы пройти через бури и препоны этой жизни, я найду себе такого же мужчину, как Рорк!

– У тебя их уже сейчас не меньше двух, – заметила Ева.

– Это все не то! – вздохнула Пибоди, забираясь в машину. – Кстати, куда мы едем?

– Как ты относишься к стриптизу, Пибоди?

– Скажите мне, что это – мужской стриптиз, и я – ваша на веки веков!

– Тебе опять не повезло. Видимо, такая уж у тебя судьба...

* * *

Нэнси жила в очень приятном доме довоенной постройки на Лексингтон-авеню. Почти на каждом окне здания были длинные ящики с цветами, возле подъезда стоял симпатичный швейцар. Ева показала ему полицейский жетон, а он расцвел улыбкой, будто ему подарили букет роз.

– Надеюсь, у нас тут ничего не стряслось, лейтенант? – полувопросительно проговорил он. – Если я чем-то смогу вам помочь, я – в вашем распоряжении.

– Спасибо, но я и сама справлюсь.

– Наверняка он получает такие чаевые, что может каждый месяц покупать по «Мерседесу», – заметила Пибоди, когда они вошли в небольшой, но очень опрятный вестибюль. – Улыбка ярче солнца, тугая попка... Что еще требуется от швейцара? – Она обвела взглядом почтовые ящики, на которых красовались нарядные таблички с именами жильцов, полированные дверцы лифта цвета меди, напольные керамические вазы с цветами. – Никогда не думала, что стриптизерша может жить в таком доме! Он скорее подходит для высокопоставленных чиновников и богатеньких менеджеров.

– Не подумываешь ли ты о том, чтобы сменить профессию? – с сарказмом осведомилась Ева, когда они вошли в кабину лифта.

– А что, это мысль! – фыркнула Пибоди. – Мужики выстраиваются в очередь, чтобы увидеть меня голой. Хотя Макнаб...

– Избавь меня от этих подробностей! Когда ты начинаешь рассказывать о своей личной жизни, меня тошнит.

Лифт остановился на шестом этаже. Ева торопливо вышла из кабины и направилась к квартире «С». К счастью, дверь открылась почти сразу после звонка, и она не успела узнать, как Макнаб воспринимает голую Пибоди.

– Нэнси Гейнор?

– Да.

– Я лейтенант Даллас из Управления полиции. Мне нужно с вами побеседовать. Мы можем войти?

– Да, конечно. Это касается Таджа?

Нэнси была похожа на свою квартиру: маленькая, аккуратная и хорошенькая, словно лучик солнца. Судя по всему, ей было двадцать с небольшим. Кукольное личико с огромными изумрудными глазами обрамляли золотистые волосы, пухлые губы были накрашены светло-розовой помадой. Желтый тренировочный костюм делал ее еще более привлекательной. Она отступила в глубь квартиры, и на Еву повеяло ароматом жасмина.

– Я до сих пор как больная хожу! – заговорила Нэнси. – Просто как больная! Вчера Ру созвала нас всех и сообщила о том, что произошло. – Зеленые глаза девушки наполнились слезами и стали похожи на две затопленные водой лужайки. – Не могу поверить, что такое случилось у нас, в «Чистилище»! Ой, что же вы стоите? Садитесь, пожалуйста. – Нэнси сделала неловкий жест в сторону длинного полукруглого дивана, обитого мягкой розовой тканью и заваленного невероятным количеством подушек. – Может, вы хотите что-нибудь выпить?

– Нет, не беспокойтесь. Вы не против того, что мы будем записывать наш разговор на пленку, мисс Гейнор?

– Да нет, ради бога! – Нэнси закусила нижнюю губку и прижала руки к бюсту внушительных размеров. – А это необходимо?

- Если вы не возражаете.

- Что ж, пожалуйста. Я с радостью помогу чем смогу. Но давайте все-таки сядем. Видите ли, я немного нервничаю. В моей жизни еще никогда не было ничего подобного: убийство и все такое... Один раз меня, правда, допрашивали - вскоре после того, как я переехала сюда из Атамвы. Из-за девушки, с которой мы там снимали комнату. Она была проституткой, но ее желтый билет оказался просроченным, вот легавые и... Ой, простите! Вот полицейские к ней и прицепились.

Ева растерянно моргнула.

- Атамва? Это где?

- В Айове. Я приехала оттуда четыре года назад. Мечтала танцевать на Бродвее, - усмехнулась Нэнси. - Наверное, большинство девчонок, которые едут в Нью-Йорк со всех концов страны, тешат себя такими же несбыточными мечтами. Я и в самом деле хорошо танцую, но таких, как я, много, а жизнь здесь очень дорогая. Я находилась в растерянности, была напугана и даже подумывала о том, чтобы вернуться домой, в Айову, и выйти замуж за Джоуи, - призналась она, хлопая ресницами. - Но, знаете, он такой зануда! А тут мое выступление увидела Ру и предложила мне работать в одном престижном клубе. Это было вполне приличное место: и платили хорошо, и публика не лезла нас лапать. Потом Ру перешла в «Чистилище» и взяла некоторых девочек с собой, в том числе и меня. Вот это клуб! Классное место! Я хочу, чтобы вы знали: ничего такого нехорошего там никогда не происходило!

- Ничего такого... - повторила следом за Нэнси Ева, ошеломленная обрушившимся на нее потоком информации. - Благодарю вас за ваш рассказ.

- О, что вы! Я просто хочу вам помочь! - Нэнси подалась вперед, глаза ее горели. - Ру сказала, что, если кому-то из нас что-нибудь известно, мы обязаны рассказать это вам, лейтенант Даллас. Должны ответить на все ваши вопросы и вообще - помочь всем, чем можем. Во-первых, потому, что правосудию нужно помогать, а во-вторых, потому, что вы - жена Рорка, а он является владельцем «Чистилища».

- Я это уже где-то слышала.

– Ой, да я ответила бы на все ваши вопросы, даже если бы вы не были замужем за Рорком! Ведь это мой гражданский долг, правильно? К тому же Тадж был классным парнем, и мне его очень жалко. Он никогда не лез в чужие дела, понимаете, что я имею в виду? И вообще – вел себя очень скромно. В некоторых клубах – даже классных – мужчины пользуются любым случаем, чтобы подглядывать за девушками, а перед Таджем можно было пройти в чем мать родила, и он даже не поднял бы глаз! Он, разумеется, смотрел на нас, когда мы выступали на сцене, но... Понимаете, смотреть – это одно, а пялиться – совсем другое! У него была жена, дети, а сам он был настоящим семьянином.

«Да заткнешься ты когда-нибудь?» – мысленно воскликнула Ева.

– Мисс Гейнор...

– Зовите меня просто Нэнси.

– Хорошо, Нэнси. Прошлой ночью вы работали, верно? А работала ли танцовщица по имени Митци?

– Конечно. У нас с ней почти одинаковые графики. Правда, прошлой ночью Митци ушла пораньше. Она страшно переживала, поскольку ее парень – вот ведь скотина, извините за выражение! – бросил ее ради какой-то дуры стюардессы. В примерке она просто заливалась слезами, поскольку он, видите ли, был ее единственной любовью, обещал на ней жениться и купить дом в Куинсе. Хотя я не помню точно, может, и не в Куинсе, а в Бруклине...

– Мисс Гейнор...

– Но вам это, наверное, неинтересно, да? – улыбаясь, продолжала щебетать девушка. – Короче говоря, Ру увезла ее домой. Ру – хорошая женщина и очень заботится о нас, танцовщицах. Она ведь тоже когда-то танцевала. Мне, наверное, стоит позвонить Митци и узнать, как она там.

– Ей это наверняка будет приятно. – Информация была пустяковой, но, несомненно, подтверждала алиби Ру Маклин. – Расскажите мне, пожалуйста, о том, когда и как вы в последний раз видели Таджа.

– Хорошо. – Нэнси откинулась на спинку дивана, поудобнее устроилась на подушках и сложила руки на коленях, как примерная школьница. – В тот вечер у меня было два сольных выступления, два выхода в групповом танце и еще выступления перед клиентами в отдельных кабинетах. Так что я, как вы понимаете, была очень занята. Во время первого перерыва я видела Таджа. Он ел сандвич. Я сказала: «Привет, Тадж! Аппетитный у тебя сандвич, так и хочется его съесть!» Это была шутка, понимаете? Ведь сандвич для того и делают, чтобы его съесть!

– Ха! – выдавила из себя Ева.

– Вот и он тоже засмеялся, а потом сказал, что это – сандвич с цыпленком и что его приготовила жена. Я взяла банку вишневой газировки, сказала, что мы еще увидимся, и пошла переодеваться.

– Вы говорили о чем-нибудь еще?

– Нет, только о сандвиче с цыпленком. После этого я вернулась в гримерку, а там царил настоящий бедлам. Одна из девочек, Дотти, никак не могла найти свой красный парик, а Митци, как я вам уже рассказывала...

– Да, о Митци мы уже поговорили!

– Ага, ну так вот. Еще одна девочка, по-моему, это была Шармен, убеждала Митци, что она должна благодарить бога за избавление от такого придурка. А Митци от этого ревела еще сильнее, поэтому Уайлимена (раньше она была парнем, но сделала операцию по изменению пола и превратилась в женщину) велела ей заткнуться. Я имею в виду Шармен, а не Митци. А остальные суетились и бегали по гримерке, поскольку нам предстоял коллективный танец, в котором участвуют все танцовщицы. Когда он закончился, я пошла танцевать в отдельные кабинеты, увидела Таджа за стойкой и помахала ему.

У Евы кружилась голова. Ей казалось, что, если через секунду этот словесный поток не иссякнет, она грохнется в обморок.

– Он в этот момент с кем-нибудь разговаривал?

– Я не обратила внимания. Он работал как заведенный, поскольку посетителей было очень много и всем хотелось выпить. Так вот, я станцевала для того бизнесмена из Толедо. Он сказал, что у него день рождения, но они часто так говорят, чтобы ты не ограничилась танцами, а пошла бы гораздо дальше. Однако Ру не позволяет этого девушкам, у которых нет желтого билета. Короче, он дал мне сто баксов чаевых, и я пошла танцевать в другой кабинет, этажом выше. Так что Таджа я не видела вплоть до самого закрытия. Мне захотелось попить еще газировки, и он мне ее налил. Поскольку я страшно выдохлась, то села у стойки и посидела немного. Посетители к тому времени уже разошлись.

Девушка на секунду замолчала. Ева открыла было рот, но Нэнси ее все же опередила:

– Да, вот еще что! Вيني заболел. На самом деле его имя Нестер Вайн, но мы зовем его Вيني, поскольку он длинный и тощий, как виноградная лоза. Удивительно, как некоторым людям подходят их имена, правда? В общем, он в тот вечер был зеленого цвета, потный и все время бегал в сортир, пока Тадж не велел ему отправляться домой и лечь в постель. А мне было грустно, поскольку незадолго до этого до меня дошло известие, что мой Джоуи обручился с Барби Томас.

– В Атамве?

– Вот именно. Она давно за ним бегала! – Нэнси обиженно нахмурилась, но через секунду лицо ее вновь расцвело. – Тадж был очень милым и уговаривал меня не переживать, говорил, что я красивая молоденькая девушка и в свое время встречу хорошего человека. По его словам, когда встречаешь свою вторую половинку, то понимаешь это сразу, без слов. Наверное, говоря это, Тадж думал о своей жене, потому что в таких случаях у него во взгляде всегда появлялась такая нежность... От его слов мне стало легче, поэтому я посидела еще, хотя было уже очень поздно. Тадж должен был закрывать клуб вместе с Вيني, но он заболел. Я вам об этом говорила?

– Да, – сказала Ева, – об этом вы уже говорили. – В ушах у нее звенело, перед глазамиплыли круги. Ей казалось, что с ней вот-вот случится то же, что случилось с Вيني, и придется бежать в туалет.

– Ну так вот, как я вам уже сказала, он заболел. Вообще-то по правилам не положено, чтобы клуб закрывал один человек, но иногда такое случается. Тадж сказал, что мне пора домой и что он вызовет для меня такси, но я отказалась, сказав, что поеду на метро. Но он мне этого не разрешил, поскольку на улицах в такой час небезопасно, поэтому я вызвала такси, и Тадж проводил меня до самой машины. – Глаза Нэнси повлажнели. – Он всегда был таким милым...

– Не говорил ли он вам, что ожидает кого-нибудь?

– Да вроде нет... – Нэнси наморщила лобик и снова сложила губы трубочкой. – Впрочем... Впрочем, может, и говорил, но я все время ревела как ненормальная. Из-за Джоуи, из-за того, что соскучилась по своим друзьям и по дому. Он, по моему, сказал, что друзья всегда остаются друзьями или что-то вроде этого. Мне даже кажется, что он сказал, будто скоро должен встретиться с каким-то своим другом, но я тогда не сообразила, что он имеет в виду встречу в клубе в ту же ночь. Как бы то ни было, – девушка вытерла глаза тыльной стороной ладони, – тот, кто убил Таджа, не мог быть его другом. Друзья так не поступают.

«Ну, не скажи! – подумала про себя Ева. – Смотря какие друзья...»

5

Следующие три дня Ева могла либо посвятить допросам стриптизерш, танцовщиц и постоянных клиентов клуба, либо сосредоточиться на персоне Макса Рикера. Небогатый выбор – тем более что сделать надо было и то, и другое.

Она вошла в комнату детективов и обвела взглядом лица находившихся там коллег. Один из офицеров сидел на телефоне, проверяя связи убитого, другие писали отчеты, третьи изучали вновь поступившую информацию. Двое детективов допрашивали какого-то человека, который выглядел скорее радостно возбужденным, чем испуганным. Пахло скверным кофе и порошком от тараканов.

Ева хорошо знала всех присутствующих в этой большой комнате. Кто-то из них был поумнее, кто-то соображал медленнее, но в целом все работали на совесть. Общаясь с этими людьми, Ева никогда не козыряла своим положением начальника, поскольку знала, что с помощью простого, дружелюбного обращения добьется гораздо большего.

Дождавшись, когда допрашиваемый, покрасневший от удовольствия и гордый столь пристальным вниманием к своей персоне, покинул помещение, Ева громко произнесла:

- А теперь внимание!

С десятков голов разом повернулись в ее сторону. Она видела, как мгновенно изменилось выражение лиц. Люди прекрасно знали, какое дело расследует Ева, и бросили все, чтобы выслушать ее. «Нет, - снова подумала она, - тут нет необходимости употреблять власть. Они и так вылезут из кожи вон, чтобы только помочь!»

- У меня больше шестисот потенциальных свидетелей по делу об убийстве детектива Таджа Коли. Часть нужно отсеять, остальных - допросить. Поэтому мне понадобится помощь. Те из вас, кто в ближайшие дни найдет возможность поработать по паре часов сверхурочно, сообщите об этом мне или Пибоди.

Первым встал Бакстер. Время от времени он доставлял Еве неприятные минуты, но это был самый надежный человек из всех, кого она знала. Если она поручала ему какое-то дело, то была уверена в том, что он его выполнит, не меньше, чем в том, что завтра взойдет солнце.

- У меня есть время. А, черт, у нас у всех есть время! - Он обвел комнату сердитым взглядом, словно выискивая несогласных.

- Отлично! - Ева сунула руки в карманы. - В таком случае я введу вас в курс дела. - Тут она на секунду умолкла. Тема была крайне щекотливой, и ей следовало соблюдать осторожность, чтобы не повторилась история с лейтенантом Миллзом. - Вам известно, что в результате ночного нападения в престижном стриптиз-клубе «Чистилище» был до смерти забит детектив Коли. В то время, когда это произошло, клуб уже был закрыт, так что, судя по всему, Коли был знаком со своим убийцей. Итак, я разыскиваю человека, с которым он

был близок и кому доверял. Доверял настолько, что повернулся к нему спиной, оказавшись совершенно беззащитным.

«Этому человеку, – мысленно добавила Ева, – Коли во время своей рабочей смены позвонил по сотовому телефону. Или тот позвонил ему. Именно поэтому убийца забрал с места преступления мобильный телефон Коли».

– Пока ничто не свидетельствует о том, что Коли находился в клубе под прикрытием, выполняя какое-то задание или собирая там некую информацию. Но не исключено, что убийца являлся его осведомителем из криминальных кругов. Версия об ограблении не выдерживает никакой критики. Я почти не сомневаюсь, что убийство было совершено по личным мотивам, – добавила Ева и обвела взглядом присутствующих. – Но главным мотивом, как я полагаю, являлось то, что Коли был одним из нас. 128-й отдел считает, что расследование должны вести они. Я же требую, чтобы дело осталось у нас.

– Правильно, черт побери! – Детектив Кармайкл поднесла ко рту пустую кружку из-под кофе и задудела в нее, как в охотничий рог.

– К счастью, журналисты пока этим делом не заинтересовались, – продолжала Ева. – Им подавай сенсации, а убитый бармен, по их мнению, не заслуживает заголовков на первых страницах. Для них не имеет значения даже тот факт, что он был полицейским. Подумаешь, еще один дохлый коп! Он для них ничего не значит.

Ева помолчала, следя за тем, как реагируют на ее слова подчиненные.

– Но он много значит для нас. И если кто-то из вас захочет помочь расследованию, сообщите мне или Пибоди, скольких свидетелей вы сможете на себя взять. Она раздаст вам имена, а вы тщательно запишете показания и передадите их мне.

– Эй, Даллас, могу я взять на себя стриптизерш? – пошутил Бакстер. – Но только хороших!

– Конечно, Бакстер. Мы же знаем: ты можешь увидеть женщину голой лишь в том случае, если заплатишь за это. – В комнате раздался смех и даже нестройные аплодисменты. – Я в основном буду работать в городе. Если у кого-

то появится что-нибудь стоящее, немедленно связывайтесь со мной.

Закончив, Ева направилась к дверям своего кабинета. Пибоди поспешила за ней.

- Вы собираетесь работать в городе одна?

- Ты мне нужна здесь, в Управлении. Будешь координировать работу со свидетелями.

- Да, но...

- Пибоди, вплоть до прошлого года, когда рядом со мной появилась ты, я всегда работала в городе в одиночку. - Усаживаясь за свой письменный стол, Ева заметила в глазах Пибоди обиду, и ей стало стыдно. - Послушай, Пибоди, держи себя в руках и не обижайся. Я вовсе не хочу сказать, что ты плохо справляешься с оперативной работой. Просто в данный момент ты нужна мне здесь, чтобы помогать ребятам и сводить информацию воедино. У тебя это получается гораздо лучше, чем у меня.

Пибоди, похоже, немного воспряла духом.

- Да, я это умею, - без ложной скромности согласилась она. - Но когда я закончу с работой здесь, я могла бы присоединиться к вам.

- Считай, что договорились. А сейчас начинай заниматься делами, пока ребята полны энтузиазма и готовы работать сверхурочно. - Давая понять, что разговор окончен, Ева повернулась к своему компьютеру. - Давай, действуй.

- Есть, босс!

Пибоди вышла, а Ева включила компьютер и вызвала досье Макса Рикера. Ей не нужны были сюрпризы, поэтому она хотела подготовиться к предстоящей встрече как можно тщательнее.

Ева и раньше видела фотографии Рикера, но сейчас вглядывалась в его черты с особым вниманием. У него было волевое лицо, плоские, тщательно выбритые щеки, резкие линии скул. Над плотно сжатыми губами тянулась седая щеточка

усов. Суровый взгляд карих глаз был непроницаем. В темных волосах пробивалась седина.

Информация о его личности, выданная компьютером, включала следующие данные:

Макс Эдвард Рикер.

Рост: шесть футов и один дюйм.

Вес: двести два фунта.

Белый, европейской расы.

Возраст: пятьдесят лет.

Место рождения: Филадельфия, штат Пенсильвания.

Родители: Леон и Мишель Рикер. Умерли. Брат – умер.

Образование: окончил Университет Пенсильвании по специальности «Бизнес и менеджмент».

Семейное положение: холост. Женат не был. Имеет сына по имени Алекс двадцати двух лет. Мать ребенка – Эллен Мария Миранда. Умерла.

Места проживания: Хартфорд (Коннектикут), Сарасота (Флорида), Флоренция (Италия), Лондон (Великобритания).

Профессия: предприниматель.

Компании, в которых объект имеет значительное количество акций...

Далее следовал длинный перечень фирм и компаний.

Ева откинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Когда-то она вот так же читала досье на человека, которому принадлежали сотни фирм, который ворочал миллиардами долларов и, как и Рикер, казался ей очень опасным. Тем человеком был Рорк, и после этого ее жизнь резко изменилась. Теперь, как надеялась Ева, навсегда изменится жизнь Рикера.

Вернувшись к реальности, Ева придвинула к себе клавиатуру и затребовала у компьютера информацию о криминальном прошлом Рикера, арестах и предъявленных обвинениях.

Идет сбор информации...

– появилось на экране.

Через некоторое время по экрану побежали строчки, и брови Евы от удивления поползли вверх. Чего тут только не было! Перечень преступлений Рикера начинался с мелкой кражи тридцатипятилетней давности, затем следовало незаконное хранение оружия, распространение наркотиков, мошенничество, подкуп, два покушения на убийство. Однако ни одно из этих обвинений не сумели доказать, и Рикеру каждый раз удавалось выскользнуть из рук правосудия. И все же список преступлений, в которых был замешан Рикер, удивлял своими размерами.

– Ты не так умен, как Рорк, – усмехнувшись, пробормотала Ева. – Он никогда не попадался. Ты просто нагл. Ты не боишься попасться, самонадеянно полагая, что в любом случае сумеешь вывернуться. И снова и снова показываешь всем фигу. – Ева внимательно вглядывалась в хищные черты Рикера. – Это твое слабое место, Рикер, очень слабое!

Скопировав досье Рикера на жесткий диск, Ева повернулась к телефону. Настало время выяснить, где Макс Рикер обретается в настоящий момент.

* * *

Еве повезло – она нашла Рикера в Хартфорде, штат Коннектикут, где у него имелся особняк в престижном районе. И, видимо, именно самоуверенная наглость Рикера заставила его согласиться на встречу с Евой, даже не обусловив эту встречу присутствием многочисленных адвокатов. По крайней мере, так думала она...

До места назначения Ева добралась довольно быстро и была встречена тройкой здоровенных мордovorотов, которые с усердным сопением в течение нескольких минут изучали ее полицейское удостоверение. Машину ей велели оставить у ворот и повезли к дому на маленьком пассажирском электрокаре. Этим средством передвижения управляла миниатюрная хрупкая женщина. Она ловко рулила по широкой дорожке, которая вела к трехэтажному особняку.

Перед входом красовался фонтан: мраморная женщина в ниспадающем широкими складками хитоне лила воду из кувшина в бассейн, в котором сновали золотые рыбки. У восточного угла дома возился с цветами садовник в мешковатой униформе серого цвета и нелепой, как у швейцара, фуражке с широким околышем.

В дверях появилась горничная, одетая в строгое черное платье. Она приветливо улыбнулась и пригласила Еву в дом.

– Здравствуйте, лейтенант Даллас! Надеюсь, путешествие было приятным? Мистер Рикер ожидает вас. Пройдите, пожалуйста, за мной.

Идя по анфиладе комнат, Ева внимательно осматривалась. Здесь ничто не напоминало дом Рорка с его роскошной и в то же время уютной обстановкой. Рикер тяготел ко всему кричащему: режущим глаз оттенкам, аляповатому псевдомодерну. Тут все буквально вопило об огромных деньгах, но ничто не указывало на наличие у хозяина художественного вкуса. Все углы тут были острые, и повсюду – серебряная отделка. Ева поняла, что серебряный – это вообще его любимый цвет.

«Тридцать сребреников», – вспомнила она.

Наконец они вошли в гостиную, выдержанную в кроваво-красных тонах. Одна стена была полностью стеклянной, и отсюда открывался прекрасный вид. Стены же пестрели картинами в стиле то ли модерн, то ли сюрреализм, то ли... хрен

его знает, как там называется эта дурацкая мазня, когда холсты бестолково измазаны красками, будто развлекался пьяный шимпанзе.

В воздухе стоял тяжелый запах цветов, цвет стен был слишком яркий, мебель в стиле техно – вызывающей.

Рикер сидел в одном из кресел, потягивая из высокого тонкого бокала какую-то подозрительную жидкость пронзительно розового цвета. Увидев гостью, он легко поднялся на ноги и приветливо улыбнулся.

– А, Ева Даллас! Наконец-то мы встретились! Добро пожаловать в мою скромную обитель. Что из прохладительных напитков вам можно предложить?

– Ничего.

– Что ж, воля ваша. Если передумаете – только намекните. – Голос Рикера был каким-то обволакивающим. Так разговаривали герои в старых черно-белых фильмах, которые так любил Рорк. – Можешь идти, Марта, – обратился Рикер к горничной.

– Да, мистер Рикер.

Девушка склонила голову и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

– Ева Даллас... – снова проговорил Рикер, словно пробуя ее имя на вкус, и сделал приглашающий жест в сторону кресла. – Это просто восхитительно! Могу я называть вас просто Евой?

– Нет.

Дружелюбие в глазах Рикера уступило место холоду, и они словно покрылись серебряным инеем; из горла вырвался короткий лающий смешок.

– А жаль. Что ж, в таком случае – лейтенант. Не согласитесь ли вы присесть? Должен признаться, мне любопытно познакомиться с женщиной, которая вышла замуж за моего старого... Я чуть не сказал «протеже». – Рикер снова опустился в кресло. – Однако я не уверен, что Рорку понравилось бы такое определение.

Поэтому я лучше скажу так: за моего бывшего партнера. Кстати, я надеялся, что вы навестите меня вдвоем.

– Рорку здесь нечего делать и не о чем с вами говорить.

– Я бы добавил: пока. Садитесь, пожалуйста. Устраивайтесь поудобнее.

Слово «поудобнее» было несовместимо с безобразным креслом, но Ева тем не менее села.

– А вы весьма привлекательны! – Голос Рикера словно окутывал ее, а глаза обшаривали гостью. Мужчина, который смотрит на женщину таким взглядом, хочет, чтобы она почувствовала себя беззащитной, словно раздетой, однако Ева ощутила лишь легкое раздражение. – В своем роде, конечно, – добавил Рикер. – Не ожидал, что Рорк сделает такой выбор. Его обычно тянуло к более стильным, женственным особям.

Рикер побарабанил пальцами по ручке кресла, и Ева с удивлением заметила, что ногти у него выкрашены в его любимый, видимо фирменный цвет – серебряный.

– А впрочем, с его стороны было мудро выбрать именно вас – женщину такой профессии и компетентности. Вероятно, для него очень удобно иметь столь доверенного союзника в рядах полиции.

Рикер явно пытался вывести ее из себя, и, понимая это, Ева старалась держать себя в руках.

– Вы полагаете? – Она склонила голову набок. – И отчего же, по вашему мнению, для него это столь удобно, мистер Рикер?

– Ну, учитывая его интересы... – Рикер со свистом потянул напиток через трубочку. – Учитывая его разнообразный бизнес.

– А вас интересует его бизнес, мистер Рикер?

– Сугубо в академическом плане, так сказать. Ведь мы с ним когда-то были связаны.

Ева подалась вперед:

– И вы согласились бы заявить о ваших с ним связях официально?

Глаза Рикера сузились и смотрели на нее не мигая, словно змеиные.

– А вы хотите меня допросить? Неужели вы за него не боитесь?

– Рорк сумеет за себя постоять. А вы?

– Вы что, приручили его, лейтенант? Взяли дикого волка и превратили в домашнюю собачку?

Ева от души рассмеялась:

– Эта домашняя собачка порвет вам глотку, не моргнув глазом, и вы это знаете. Я и не предполагала, что вы его так боитесь. Как интересно!

– Вы ошибаетесь, – спокойно ответил Рикер, но ладони его сжались в кулаки, а кадык заходил вверх-вниз, будто он пытался проглотить рыбью кость.

– Едва ли, – проговорила Ева, – но это не главное. Я приехала сюда не из-за Рорка. Меня больше интересуют ваши дела, мистер Рикер. – Ева вынула из кармана диктофон и включила его. – С вашего позволения.

Его губы под седой щеточкой усов изогнулись, но это не имело ничего общего с улыбкой.

– Разумеется.

Палец Рикера нажал незаметную кнопку на ручке кресла. В противоположном конце гостиной поднялась панель, и взгляду Евы предстал длинный стол, за которым чинно сидели шестеро мужчин в темных костюмах и с колючими глазами.

– Мои адвокаты, – представил их Рикер.

Ева положила диктофон на разделявший их с Рикером серебристый столик и произнесла, как того требовал закон, так называемую «формулу Миранды».

– Вы дотошны. Рорк наверняка высоко ценит в вас это качество. Я тоже.

– Знаете ли вы свои права и обязанности, мистер Рикер?

– Знаю, можете не сомневаться.

– И вы уже воспользовались одним из этих прав, пригласив ваших адвокатов присутствовать при нашем – неофициальном, заметьте – разговоре. Итак, мне известно, что шесть месяцев назад вы были арестованы за... – Ева уже знала обвинения, предъявленные Рикеру, наизусть, но для солидности открыла блокнот и прочитала: – ...за изготовление, хранение, перевозку и распространение запрещенных законом веществ наркотического и галлюциногенного характера, а также за незаконное владение оружием, управление химическими заводами, не имеющими лицензии, а также...

– Лейтенант, не тратьте напрасно свое и мое время. Я прекрасно помню, какие обвинения мне предъявили, когда прошлой осенью мне не повезло и я был арестован. Надеюсь, вам также известно, что впоследствии большинство этих нелепых обвинений отпали сами собой, а остальные оказались бездоказательными, в результате чего суд признал меня невиновным.

– Мне известно, что ваши адвокаты и государственный обвинитель Нью-Йорка заключили сделку, в соответствии с которой некоторым мелким обвинениям не был дан ход. Взамен этого вы выдали правоохранительным органам имена четырех мелких торговцев оружием и наркотиками. Вы не всегда верны своим партнерам, мистер Рикер.

– Наоборот, лейтенант! Я – образец преданности! У меня просто нет партнеров, которые занимаются торговлей оружием или наркотиками. Я – добропорядочный бизнесмен и ежегодно делаю щедрые вклады в благотворительные фонды.

– Мне кое-что известно о вашей... гм... благотворительной деятельности. Вы, например, делали щедрые вклады в фонд организации под названием «Кассандра».

– Да! – Рикер воздел руки к потолку, как адвокат на суде, который пытается привлечь к себе внимание зала. – Да, делал! И был потрясен до глубины души, когда выяснилось, что эта такая благопристойная с виду организация была связана с террористами! Вы, лейтенант, оказали обществу неоценимую услугу, когда раздавили эту мерзкую гадину. Ах, как же я был наивен! Я полагал, что «Кассандра» защищает права и безопасность американцев. Я ни секунды не сомневался, что все это делается в рамках закона!

– Жаль, что вы не присмотрелись к «Кассандре» повнимательнее, мистер Рикер, прежде чем вкладывать в эту организацию десять миллионов долларов, заработанных, очевидно, потом и кровью!

– Трагическая ошибка, о которой я чрезвычайно сожалею. После этого прискорбного случая мой подчиненный, который курировал благотворительность, был уволен. За неразборчивость.

– Понятно. И все же, несмотря на сделку, заключенную с прокуратурой, вас должны были судить по целому ряду обвинений. Однако потом начали пропадать вещественные доказательства, из компьютеров исчезала информация, и, наконец, сорвалась устроенная на вас полицейская облава.

– Так, значит, вот какова официальная версия событий? – Рикер взлохматил волосы и стал похож на седого дикобраза. – Положим, информация была весьма скудная. Там было больше дезинформации, сфабрикованной полицией для того, чтобы оправдать незаконный налет на склад, которым, хоть он и являлся моей собственностью, управлял совершенно неизвестный мне, сторонний менеджер.

Глаза Рикера горели, его голос взмыл вверх, а пальцы с серебряными ногтями отбивали виртуозную дробь по хромированным ручкам кресла.

– Вся эта история была сфабрикована легавыми, и поэтому сейчас мои адвокаты готовятся к тому, чтобы подать в суд на нью-йоркское Управление полиции.

– Что связывало вас с детективом Таджем Коли? – резко сменила тему Ева.

– Коли? – Рикер по-прежнему улыбался, однако глаза его стали колючими. – Что-то не припомню. Вообще-то я общаюсь со многими из ваших, лейтенант. Люблю

служак! Но вот это имя... Впрочем, подождите-подождите... – Он потер пальцами нос, а потом зацокал языком: – Господи, Коли! Ну, конечно же! Я слышал об этой трагедии. Его недавно убили, верно?

– Коли был одним из тех, кто обложил ваш склад с наркотиками в Нью-Йорке, в результате чего вы лишились нескольких миллионов долларов.

Один из адвокатов быстро заговорил:

– Хочу заметить, что мистер Рикер формально не имел никакого отношения ни к обнаруженному в Нью-Йорке складу наркотиков, ни к их распространению, которое было пресечено полицией Нью-Йорка. Мы настаиваем именно на такой формулировке и не согласны ни на какую другую.

Ева не удостоила адвоката даже взглядом, а Рикер пожал плечами.

– Очень печально, что детектива Коли убили, лейтенант. Но неужели меня будут допрашивать каждый раз, когда кто-то из полицейских умрет насильственной смертью? Я ведь могу расценить это как полицейский произвол и нарушение моих гражданских прав.

– Нет, не можете. Вы сами дали согласие на эту встречу, вас никто не тащил за шиворот в полицейское управление. – Ева улыбалась. – Я уверена, что ваша адвокатская рота подтвердит это. А что касается Коли... Он собирал информацию, и мне известно, что всякие мелочи, подробности, детали всегда являлись его сильной стороной. Вы, как бизнесмен и многоопытный человек, наверняка знаете, что мелочи порой играют решающую роль. Именно благодаря этим мелочам истина в итоге всплывает на поверхность, как бы глубоко она ни была упрятана. А я очень хочу докопаться до истины и очень сердита из-за того, что моего коллегу полицейского фактически казнили. Так что поиск этой истины и того, кто совершил – или приказал совершить – это преступление, является для меня делом чести.

– Не сомневаюсь, что вас задело жестокое убийство вашего коллеги, совершенное к тому же в клубе, принадлежащем вашему мужу. – В голосе Рикера совершенно не к месту зазвучали веселые нотки. – Обидно, правда? Так, может, вместо того, чтобы доносить меня нелепыми подозрениями, вам стоит позвонить собственному мужу и вызвать на допрос его?

– Я не говорила, что убийство было жестоким и что оно произошло в клубе, принадлежащем Рорку. Откуда у вас эта информация, мистер Рикер?

Впервые за время их разговора на лице Рикера отразилась глубокая растерянность. Взгляд его стал пустым, рот приоткрылся. Но в следующую секунду все шесть адвокатов заговорили разом, воздух наполнился какофонией голосов, и это дало Рикеру время, чтобы прийти в себя.

– Если бы я не умел добывать информацию, я был бы плохим бизнесменом. Мне сообщили об инциденте, случившемся в одном из заведений вашего мужа, – только и всего.

– Кто сообщил?

Рикер вяло махнул рукой:

– Ну, допустим, один из моих партнеров. Не помню, кто именно. А что, это запрещено законом – получать подобного рода сведения? Я люблю собирать информацию. Можете считать, что это мое хобби. Кто-то собирает марки, кто-то – монеты, а я – информацию о людях, которые меня интересуют. О вас, например. Я, в частности, знаю, что с тех пор, как вам исполнилось восемь лет, вас растило и содержало государство.

Руки Рикера сжались в кулаки, в глазах появился какой-то хищный блеск. «Скорее даже голод, – подумалось Еве. – Как у гурмана в предвкушении экзотического блюда».

– Вас насильовали, причем с особой жестокостью, не так ли? Наверное, тяжело жить с такой страшной душевной травмой, постоянно помня, как безжалостно у вас отобрали невинность. У вас даже имя не свое, его наспех придумали для вас сотрудники приюта. Ева... Как романтично! Ведь так звали первую женщину на Земле. И фамилия Даллас – просто и без вывертов. В этом городе вас нашли – грязную, истерзанную, избитую девочку, которая скулила в мерзкой подворотне.

Рикер достиг своей цели: по коже Евы побежали крупные мурашки, спина взмокла, леденящий холод пробрал до костей. Однако ей удалось отвести взгляд от лица Рикера и взять себя в руки. Она даже не моргнула.

– Что ж, садясь играть в карты, нужно договориться о правилах. Я тоже собираю информацию. О людях, которые оскорбляют мое обоняние. Копайте под меня сколько угодно – возможно, это даст вам более ясное представление о том, кто противостоит вам на сей раз. Дело Коли – в моих руках, и, поверьте, я узнаю, кто, почему и как отправил его на тот свет. Берегитесь, Рикер. Беседа закончена, – сказала она и выключила диктофон.

Адвокаты разразились протестами и возражениями, однако Рикер нажал на кнопку, и панель опустилась, отгородив законников от комнаты. Он сейчас был бледнее, чем в тот момент, когда Ева вошла в гостиную.

– Это вы берегитесь, лейтенант. Те, кто осмеливается мне угрожать, обычно плохо кончают.

– А вы еще раз просмотрите информацию обо мне, Рикер, и убедитесь в том, что я всегда кончаю хорошо.

Они оба встали. Ева надеялась, что он хотя бы на секунду потеряет контроль над собой – этого было бы достаточно.

– Думаете, что можете со мной тягаться? Думаете, что ваш жетон для меня что-то значит? – Рикер повертел пальцами перед носом Евы. – Я сотру вас в пыль! Уничтожу!

– Попробуйте, а тогда уж и поглядим, кто кого.

На скулах Рикера перекачивались желваки, но он заставил себя немного отступить.

– Полагаете, что Рорк вас защитит? Напрасно. Он ослабел, размяк и стал сентиментальным, да еще попал под каблук жены. В свое время у меня были на его счет великие планы; теперь они тоже есть, но – другие.

– Если вы, Рикер, знаете обо мне так много, то должны знать и то, что я никогда не нуждалась в чьей-либо защите. Однако Рорку все равно будет приятно узнать, насколько панически вы его боитесь. Мы с ним здорово посмеемся над вами, Рикер!

Ева повернулась и сделала шаг к двери, но Рикер схватил ее за руку. Под ложечкой у нее неприятно екнуло, но она спокойно обернулась и холодно посмотрела на него.

- Ну, давайте!

Пальцы Рикера сжались, больно впившись в ее предплечье, но их хватка тут же ослабла. «А ты не так уж хорошо владеешь собой», - подумала Ева.

- Я провожу вас, - сказал Рикер.

- Я сама найду выход, а вам, Рикер, советую заняться делом. Вам следует лучше замести следы, поскольку я собираюсь перевернуть каждый камушек, под которым вы можете спрятаться, и это доставит мне огромное удовольствие.

Ева вырвала руку и пошла к двери. Тут же рядом с ней возникла улыбающаяся горничная.

- Надеюсь, ваш визит к нам оказался приятным, лейтенант? Я провожу вас к выходу.

За спиной Евы послышался звук бьющегося стекла. «Нет, - снова подумала она, мысленно улыбаясь, - ты плохо владеешь собой».

На том же электрокаре ее довели до ворот, и трое верзил неотрывно следили за тем, как она садится в машину и уезжает.

Через десять минут Ева заметила за собой «хвост». Преследователи даже не пытались маскироваться. Она не увеличила скорость и продолжала ехать в обычном режиме, но через двадцать миль на дороге вынырнула еще одна машина и пристроилась впереди. Ее взяли в «коробочку».

«Ну что ж, давайте поиграем!» - мысленно усмехнулась Ева и вдавила педаль газа в пол. Перестроившись в левый ряд, она легко обогнала машину, которая шла впереди, и одновременно набрала на автомобильном телефоне номер полиции. Сейчас для нее было главным изобразить панику. Она вывернула руль вправо, и машина, вильнув задом, съехала с главного шоссе на трассу, ведущую

к Нью-Йорку.

– Я знаю, вы от меня не отвяжетесь, – пробормотала она. – Говнюки!

Ева снова вдавила педаль в резиновый коврик, и машина бешено рванула вперед. Дорога, к счастью, была свободна, и ничто не мешало Еве осуществить задуманное. Разогнавшись, она одновременно нажала педали тормоза и сцепления, резко крутанув руль влево. Машина, завизжав шинами, развернулась на сто восемьдесят градусов и остановилась. Ева включила сирену, выхватила пистолет из наплечной кобуры и выскочила из автомобиля.

Не ожидавшие такого поворота событий, преследователи тоже затормозили и остановились: одна машина с левой стороны дороги, другая – с правой. Ева подскочила к одной из машин и, наставив пистолет на водителя, закричала:

– Выйти из машины! Всем! Руки держать на виду!

Покосившись вправо, она заметила, что пассажир во второй машине сунул руку за пазуху, и выстрелила в фары автомобиля. Стекло со звоном разлетелось, и тут же в отдалении послышалось завывание сирен.

– Вылезайте из машины, да побыстрее! – Свободной рукой Ева вытащила из кармана служебное удостоверение. – Полиция Нью-Йорка! Вы арестованы!

Один из водителей выбрался из машины. Вид у него был обескураженный, но он пытался возражать:

– На каком основании?

– Начнем с превышения скорости, а там видно будет. Руки – на крышу, ноги расставить!

К задержанным уже приближались подъехавшие полицейские из патрульной службы.

– Заковать их в наручники, лейтенант? – спросил один.

– Да, так будет лучше. Они сопротивлялись при задержании. И вот еще, посмотрите сюда. – Она похлопала водителя по пиджаку и нащупала рукоятку револьвера. – Оружие! Да еще запрещенное законом. Ну, ребята, у вас – большие проблемы.

В результате торопливого обыска на свет божий явились две унции «Экзотики», шесть унций «Зевса» и набор отмычек.

– Отвезите этих оборотов в Центральное управление, – велела Ева патрульным. – Предъявите им обвинение в незаконном хранении наркотиков, запрещенного оружия и пересечении границ между штатами со всем этим хозяйством.

Она мстительно улыбнулась и отряхнула руки.

– Да, кстати, не забудьте о злостном превышении скорости. Мистер Рикер очень на вас рассердится, мальчики. Очень!

Ева села в машину и пристегнула ремень безопасности.

«Нервничаешь, Рикер, нервничаешь, – подумала она, потирая предплечье в том месте, куда вцепились его пальцы. – Никогда не отдавай приказы в состоянии раздражения. Итак, первый раунд за мной».

6

Дверь в комнату детективов приоткрылась, и в образовавшуюся щель просунулась голова Йена Макнаба. Человеку с волосами до плеч и в канареечных штанах трудно напустить на себя безразличный вид, но Макнаб старался изо всех сил.

У него имелся вполне благовидный предлог, чтобы прийти сюда. Детективы, работавшие по делу Коли, обращались в отдел электронного сыска с запросами на свидетелей, и Макнаб отыскивал всю необходимую им информацию.

Но главная причина его прихода заключалась не в этом. Она находилась в маленьком отсеке, отделенном от остального помещения стеклянными стенами, – девушка, которая сидела там за письменным столом и разбиралась в каких-то бумагах, становилась особенно привлекательной, когда напускала на себя деловой вид.

Увы, Макнаб был в нее влюблен. Вообще-то обычно он избегал глубоких чувств и следовал принципу «имей все, что шевелится». Его цель на данном этапе жизни – переспать с как можно большим количеством женщин. Ну любил он это, что теперь поделаться! Однако в данном случае судьба сыграла с ним злую шутку. Пибоди вошла в его жизнь в своих тяжелых полицейских ботинках и вытуженной форме, да так в ней и осталась.

С ней было нелегко. Разумеется, в конечном итоге Макнаб все же затащил ее в постель – если это выражение вообще уместно в данном случае, поскольку они занимались сексом на полу в кухне, в кабине лифта, в машине, в стенном шкафу и вообще везде, где только можно. Однако нужно признать, что при всем этом Пибоди отнюдь не сходила с ума по Макнабу. А вот он – наоборот... Офицер Делия Пибоди перевернула жизнь Йена Макнаба!

Он вошел в каморку Пибоди и уселся на край ее письменного стола.

– Привет, сладкая! Как дела?

Пибоди даже не подняла глаз на своего поклонника.

– Зачем приперся? Снова сорвался с поводка?

– Нас в отделе не сажают на цепь, в отличие от вас. Как тебе работается в этом аквариуме?

– Замечательно. Пошел вон! Не видишь, я занята.

– Делом Коли? Все только об этом и говорят. Бедняга!

В голосе Макнаба прозвучало искреннее сочувствие, поэтому Пибоди все же удостоила его взглядом. И увидела, что его зеленые глаза не просто печальны –

в них читалось неподдельное горе.

– Н-да... Ну ничего, мы найдем ту тварь, которая это сделала. Уж Даллас постарается!

– Да, она это умеет. Ваши ребята просили нас проверить кое-каких людей. Так вот, весь наш отдел – от Фини до последнего стажера – занимается только этим.

Пибоди фыркнула:

– А ты почему сачкуешь?

– Меня послали узнать, нет ли у вас какой-нибудь новой информации. Давай, Пибоди, колись. Мы же в одной лодке! Расскажи мне что-нибудь. Не могу же я вернуться с пустыми руками!

– Вообще-то у меня ничего особенного нету, но... – Она оглянулась, будто боялась, что в ее крохотном стеклянном пенале прячется шпион. – Не пойму я, что задумала Даллас. Она уехала, не взяв меня с собой, и даже не сказала куда. Но несколько минут назад она мне позвонила. Сказала, что сейчас должны приехать патрульные полицейские и привезти четырех козлов, которым предъявят обвинение сразу по нескольким статьям, а я как можно быстрее должна прокинуть их имена по компьютеру. Она тоже едет сюда.

– Ну, и что ты выяснила?

– Все четверо – «заслуженные» бандиты со многими отсидками. Разбой, ограбления, покушения на убийство... Но это еще не все. – Пибоди понизила голос. Макнабу пришлось наклониться, и его ноздри уловили запах ее шампуня. – Эти мерзавцы связаны с Максом Рикером.

Макнаб открыл рот, но Пибоди приложила палец к губам и зашипела:

– Тсс-с-с!

Компьютерщик осекся и, боязливо оглянувшись, шепотом спросил:

- Ты думаешь, Рикер причастен к убийству Коли?

- Не знаю. Но Коли входил в состав группы, которая прошлой осенью устроила облаву на Рикера. Он, правда, был на вторых ролях и даже не выступал на суде. Да и процесс-то продолжался всего три дня, после чего Рикер вышел на свободу. Однако Даллас, судя по всему, раскопала что-то такое, от чего Рикеру не поздоровится.

- Хорошие новости!

- Можешь рассказать своему начальству о четырех гориллах, которых взяла Даллас. Но имя Рикера пока не упоминай.

- Я готов повиноваться, но мне нужен стимул. Как насчет сегодняшнего вечера?

- Не знаю. Все зависит от Даллас. - Пибоди смотрела на лучезарную улыбку Макнаба, и что-то внутри ее таяло. Благоразумие боролось с безрассудностью, и безрассудность явно побеждала. - Ну, может, мне удастся отвертеться.

Макнаб наклонялся все ниже.

- Если ты сумеешь отвертеться, - проворковал он, - мы могли бы...

На столе пронзительно заверещал зуммер, и Макнаб подскочил, словно пробка от шампанского.

- Черт, это майор!

- Молчать! - хладнокровно приказала Пибоди. Уитни никогда раньше не появлялся в комнате детективов, а тут - пожаловал собственной персоной.

- О, черт! Он идет сюда!

Пибоди и сама это видела. Она с трудом подавила в себе желание одернуть форму.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/nora-roberts/rasplata-za-smert/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://telnovel.me/ru/nora-roberts/rasplata-za-smert-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)